

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ ДЭНА БРАУНА

ДАРЬЯ ДЕЗОМБРЕ

ОШИБКА ТВОРЦА

ШОКИРУЮЩАЯ НОВИНКА ДЛЯ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ГУРМАНОВ

ИСТИННОЕ ЛИЦО НЕ ОТРАЖАЕТСЯ
В ЗЕРКАЛАХ

УЗНАЙТЕ ПЕРВЫМИ РЕШЕНИЕ
СМЕРТЕЛЬНОЙ ЗАГАДКИ!

Расследования Марии Каравай

Дарья Дезомбре

Ошибка Творца

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дезомбре Д.

Ошибка Творца / Д. Дезомбре — «Автор»,
2015 — (Расследования Марии Каравай)

ISBN 978-5-699-83722-9

В Москве идет охота на красивых людей: погибают актриса, телеведущий, манекенщик... Они никак не связаны между собой, и следствие скоро заходит в тупик: растворяются в тумане наемные киллеры, невиновные признаются в убийстве, которого не совершали, а настоящий преступник, напротив, выходит из зала суда за «недостатком улик»... Это полный провал. Оперативникам с Петровки Марии Каравай и Андрею Яковлеву такая череда неудач в новинку: они не могут отпустить нераскрытые дела и, пытаясь нащупать «корень всех зол», обнаруживают тонкую нить, уходящую в «лихие 90-е», в те времена, когда жертв еще и на свете-то не было... Давнее преступление, задуманное как благо, оборачивается трагедией, затягивая в свою воронку все больше людей. И это только начало... Чтобы прервать катастрофическую цепь событий, должны погибнуть невинные. И среди них, возможно, Андрей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83722-9

© Дезомбре Д., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Отрывок из зеленой тетради	6
Алиса	7
Андрей	10
Ираклий	12
Отрывок из зеленой тетради	14
Андрей	15
Маша	17
Андрей	19
Отрывок из зеленой тетради	21
Маша	22
Андрей	23
Маша	25
Отрывок из зеленой тетради	27
Андрей	28
Маша	30
Андрей	33
Отрывок из зеленой тетради	35
Маша	36
Андрей	38
Маша	40
Отрывок из зеленой тетради	42
Андрей	43
Алиса	45
Андрей	49
Отрывок из зеленой тетради	50
Андрей	51
Бронислава	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дарья Дезомбре

Ошибка Творца

© Фоминых Д. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

*Бог делает все вещи хорошими, но человек сует в них свой нос
и превращает в зло.*

Руссо (1724–1804)

*А если так, то что есть красота и почему ее обожествляют
люди?*

Н. Заболоцкий

Отрывок из зеленой тетради

Лет пять тому назад, где-то через год после смерти матери, я нашел в завалах на антресолях древний чемодан из коричневого кожзама с металлическими уголками. Отпрыгнул, будто все эти годы был наготове, под моими неловкими пальцами железный замок. Я открыл крышку и замер, как герой «Союзмультфильма» перед сундуком Али-Бабы. Внутри, переложенные свалявшимися комьями желтоватой ваты, лежали советские елочные игрушки: настоящее сокровище. Такие далекие по цвету от современного китайского ширпотреба, они выглядели нежно-изумрудными, апельсиновыми, пунцовыми хрупкими боками. Серебристая пыль, призванная некогда изображать новогоднюю изморозь, осыпалась в вату. Некоторые оказались чуть побиты, обнаруживая полое нутро: снегурка на прищепке, разнокалиберные шары, домик под снегом и даже пара кукурузных початков – фисташково-зеленый и золотой. Я аккуратно перебирал их, вспоминая.

Удивительно, как лишенным жизни старым предметам дано отбросить нас в прошлое: я вспомнил, что кроме игрушек елку украшали тонкой мишурой из фольги и похожим на серебристый ериш «дождиком», а под елку ставился пластмассовый дед-мороз – сторож подарков, которые неизменно выкладывали для меня взрослые холодным утром 1 января. Я раскатывал по нашей большой комнате в коммуналке на трехколесном велосипеде, мешаясь у матери под ногами: она сновала из кухни в комнату с тарелками студня, которому еще предстояло застыть, «наполеона», которому еще предстояло пропитаться. Я вспомнил звук сечки, яростно шинкующей капусту в деревянной миске, гром противней. Жар, насыщенный запахами пирогов, – из кухни, холод, тянущий морозным озоном, – из форточки. И, чтобы окончательно добить меня ностальгией по невозвратному, чемодан отдал мне свою последнюю драгоценность: в глубине, под слоем ваты, лежали несколько тетрадей по 48 листов, чуть пожелтевших от времени. На обложке, там, где положено писать фамилию, было старательным почерком выведено: «Дневник». Я сглотнул, их перебирая, – я и не помнил, что вел дневник, да еще и так настойчиво – тетрадей было четыре штуки, и каждая пронумерована тонким карандашом матерью: 1, 2, 3, 4. Не решившись листать их сразу, я положил тетради на тумбочку рядом с кроватью: как вечернее чтение.

Вечером же выяснилось, что дневник был не настоящий, а лишь разновидность «Читательского дневника», который от нас требовали в школе. Но вел я его по институту включительно: перерабатывая и обобщая полученную из книжек информацию. Последняя, четвертая тетрадь была заполнена едва наполовину, дальше шли чистые листы в линейку с отчеркнутыми полями. В тот день, отложив дневники и выключив свет, я еще долго думал о матери, перебирая воспоминания о ней, как те хрупкие елочные игрушки. Как она, накрасив рот, облизывалась привычной кошачьей гримаской, «делясь» алым жирным гляncем с нижней губой, или желто-белые полосы на ее махровом халате, уже выцветшем, с торчащими нитками, купленном у золотозубой цыганки где-то на полустанке по дороге к морю. Или вот еще: запах земляничного мыла, которым она перекладывала свои вещи. Такой химический и такой родной.

А еще через несколько месяцев и случился наш разговор. И я вдруг взял ту последнюю тетрадь и ручку, всегда лежащую на тумбочке рядом с деловыми бумагами. Открыл на чистой странице, ближе к концу. «Дорогая мама! – написал я и вздрогнул. Почерк, испорченный компьютерной клавиатурой, выглядел совсем чужим. – Я не знаю, как мне поступить, и, к счастью, уже не могу спросить тебя – ты не пережила бы такого вопроса. Мне придется убивать. Я легкомысленно разбросал камни, и вот – пришла горькая пора урожая. Но если я стану убийцей, то не смогу больше обратиться к тебе, даже в мыслях. Поэтому прощай, мама. Теперь уже – навсегда».

Алиса

Сергей Николаевич коротко нажал на кнопку звонка, чтобы предупредить о своем приходе, и сразу же сам открыл дверь.

– Я дома! – крикнул он в сторону второго этажа, ожидая легких шагов сверху, ее появления в коротком шелковом халате на лестнице. Ликующее всплескивание руками – будто взлетающая птица. Быстрый перебор длинных ног по ковровой дорожке лестницы вниз. Бросок к нему на шею: «Любимый!» Прелесть свежих семейных традиций. Никто никогда не встречал Рудовского с такой радостью, и весь этот пируэт вокруг его прихода был тем, ради чего он и спешил домой. Но сегодня в доме было тихо – очевидно, Алиса задержалась в институте или в театре. Он разочарованно пожал плечами: обидно, но ничего страшного. Зато будет время приготовить для нее сюрприз – ужин. На неделе едой занималась домработница. Но сегодня суббота – у домработницы выходной, значит, ему и кухарничать.

– Никогда не думала, что мужчина может так вкусно готовить! – говорила ему Алиса, отправляя в красиво очерченный рот очередной приготовленный им деликатес.

И он, как всегда, не мог отделаться от желания снять все это в сильном увеличении на камеру, как рекламный ролик. Алису вообще всю можно было снимать в сильном увеличении, не опасаясь изъяна. И все воспринималось как реклама: реклама ее плеч, пальцев, глаз, волос. Любая драгоценность, любая шмотка, которую он ей дарил, не украшала ее, а напротив: украшалась – ею. С ней можно было снимать всякий жанр: от тупой комедии до фильма ужасов. Сюжет не имел значения, когда она появлялась на экране. Ни на кого больше уже не хотелось смотреть. Думать, что подобная женщина любит его, живет рядом, спит с ним – немолодым мужчиной, пусть и с интересной сединой, – казалось Рудовскому ежедневным чудом. Ничего, что она задерживается, – тем приятнее будет самому встретить ее, снять с нее плащ и туфли на каблуках, помассировать утомленную маленькую ступню и – накормить.

Он вынул из пакета кусок вырезки, которую собирался запечь, азербайджанские помидоры, щедрые пучки регана и кинзы, красный сладкий лук, молодую картошку. Удовлетворенно кивнул. Надо б переодеться: в костюме готовить было не с руки. Рудовский сполоснул руки, вытер их наскоро кухонным полотенцем и поднялся наверх.

В комнате, распахнув дверцы гардеробной, он быстро выбрал футболку и джинсы: модные, с молодежными прорезами на коленях – дань молодой жене. Повесил костюм, бросил, не глядя, рубашку в корзину для грязного белья. Заглянув в зеркало, провел крупной рукой по начинающим седеть, но еще густым волосам. И замер – на белоснежном ковре за огромной постелью торчали ступни ног. Те самые «рекламные» маленькие ступни с красным педикюром, которые он так любил ставить на ладонь. «Алиса!» – крикнул он, мгновенно испугавшись до обморока. И, бросившись к ней, запнулся на ковре, рухнул в ногах – ступни были теплые, на секунду ему показалось, что все в порядке, ну, почти всё, и, обхватив их, он нашел силы поднять голову и взглянуть... туда, где на шелковом розовом халате расплзлось бордовое пятно.

* * *

Тело увезли, и он почувствовал странное облегчение и вместе с тем – острую тоску. Дом опустел навсегда. Он сидел на диване, стараясь не обращать внимания на следы крови на джинсах. Ему вкололи успокоительное, и он был спокоен. Рассеянно глядел, как постепенно темнеет в глубине сада листва, облаком окружающая светлые даже в сумерках березовые стволы. Цветное кино его жизни на глазах превращалось в черно-белое. Напротив него в кресле, которое он занимал обычно сам (а Алиса забиралась с ногами на диван, листая

глянцевые журнальные картинки), сидела молодая девушка, по виду лишь на пару лет старше Алисы. Он машинально профессиональным взглядом оценил ее лицо – ненакрашенное, широкоскулое: что-то между Кейт Бланшет и Марией Мироновой. Над ним надо бы поработать – выщипать брови, нанести грим... А Алисе ничего этого было не нужно. Она и так была прекрасна – кольнуло сердце. Похоже, любая его мысль, как коза, привязанная к колышку, сделав круг, всегда возвращалась к ней. Он заметил, что девушка пытается незаметно оглядеться, – и сам себе кивнул. Дом был его удачей, главным трофеем, пока не появилась Алиса. Хорош – всего два этажа, перетекающие одно в другое большие пространства. Стены выкрашены в натуральные цвета: терракота, бежевый, жемчужно-серый. И огромные окна.

– Оля хотела, чтобы дом растворился в окружающем пейзаже, сливался с ним, – сказал он вслух, а девица замерла. Судя по растерянному выражению на лице, решила, что он спутал имена. – Оля – моя первая жена, – пояснил Рудовский.

– Вы в разводе? – Девица чуть напряглась.

– Я – вдовец, – кратко ответил он, и его передернуло от осознания, что он вдовец уже дважды. И быстро продолжил: – Оля попала в аварию в гололед, не справилась с управлением машины. Мы жили с ней в этом доме восемь лет. И полгода – с Алисой.

«Счастливейших полгода», – добавил он про себя.

– Расскажите, пожалуйста, про вашу жену. – Девица явно смущалась своей настойчивости. Она, похоже, ничего не поняла: он хотел говорить про Алису. Просто боялся захлебнуться словами и слезами, но если она настаивает...

– Не знаю, кто мог бы желать ей зла, – начал он с банальности. Но разве банальность не может быть правдива? – Какая-то нелепость. Очевидно, нас хотели обокрасть, вор сумел усыпить ее бдительность. Это несложно – Алиса доверчива, как ребенок. Доброжелательна к миру, хотя из очень проблемной семьи. В девяностых, когда она родилась, едва ли не нищенствовали. – Рудовский сглотнул. Голос дрожал, но не срывался – уже слава богу. – Родители были против того, чтобы она шла в театральный. Но Алиса настояла, и ее, конечно, сразу же взяли. Мы с Потемушкиным, режиссером, присмотрели ее, когда собрались снимать фильм по Тургеневу. Алисе тогда едва исполнилось девятнадцать. От нее нельзя было глаз отвести. Потом... – он вздохнул, – я брал ее на все проекты, которые снимал. В принципе, ей можно было ничего не делать в кадре, но она еще и отличная актриса. И жена... – Он вновь отвернулся к окну, поглядеть на тонкие березовые стволы под светлым июньским небом, выдохнул, сдержал рыдание. Дал себе полминуты, чтобы выровнять голос.

– Вы вот, наверное, думаете, какая избитая по нынешним временам история – юная девушка, муж, старше ее в два раза? – Он усмехнулся, глядя на девицу с Петровки. Она смотрела на него со спокойным вниманием. – А ведь у нас была настоящая любовь, и нежность, и понимание, когда и слов не нужно. Собирались сделать четверых детей – с Олей у меня детей не получилось. Сначала берегла фигуру, а потом... – Он махнул рукой. – А Алисе было наплевать на фигуру. Она хотела отказаться от проектов, которые ей предложили после «Вешних вод», – только бы больше времени проводить со мной. Я был против – не желал казаться Кощеем, чахнувшим над своим сокровищем, стареющим ревнивцем... Да и к кому ревновать-то?

– Понимаю, – кивнула девица, будто и правда могла что-то понять. А потом, заглянув в свои записи, спросила: – Алиса ведь еще занималась благотворительностью?

– И как успевала? – Рудовский покачал головой. – Все гонорары свои перечисляла в этот фонд. Вечно бегала туда, что-то выбивала, играла с детьми в больницах...

Рудовский кивнул на фотографию, стоящую на журнальном столике: Алиса, в кружевном платье, обнимала скорчившегося в кресле ребенка. Маленькое сморщенное личико мальчика почти неприлично контрастировало с Алисиным. Он отвернулся. Убогий мальчонка с фото-

графии был жив, а его Алиса... Девушка, слава богу, поняла, что пора откланяться. Встала, забрала сумку:

– Большое спасибо, что уделили мне время.

– Не за что. – Он тяжело поднялся с дивана и добавил, вновь банальное: – Это ваша работа.

Он прошел за ней в прихожую – через открытую дверь кухни был виден натюрморт кули-нара: мясо, помидоры, кинза. Еще пару часов назад он хотел приготовить ужин, а сейчас жизнь его закончилась. Рудовский отвернулся, заставив себя смотреть на русую макушку оператив-ницы: стоит ли ей рассказать про Алисину записную книжку? И решил – не стоит. К убийству те непонятные цифры явно не имеют отношения, а тогда зачем? И он галантно открыл перед ней тяжелую входную дверь. Девушка обернулась: брови нахмурены, смотрит с жалостью.

– Вы точно не хотите вызвать кого-нибудь из семьи, чтобы не оставаться одному?

Она так ничего и не поняла.

– Алиса была моей семьей, – сказал он, – и кого ни вызывай, все равно я один. Знаете, – он усмехнулся, – я эгоистично радовался, что она младше меня, потому что был уверен – Алиса меня похоронит, будет в последние дни держать за руку, и мне не придется жить без нее. Простите.

И, не выдержав, он захлопнул тяжелую дверь прямо перед ее носом.

Андрей

Андрей выслушал Машины речи о большой и чистой любви, посетившей продюсера Рудовского, сорока восьми лет, с некоторым недоверием. Но Маша была непреклонна: от Рудовского шла волна такого отчаяния, что хотелось как можно быстрее уйти из этого дома. Девушку было жаль, но еще жалче оказалось этого большого полуседого мужчину.

– Не знал, что ты так сентиментальна, – поддел ее он, но не сильно. Он сам был сентиментален, когда дело касалось Маши. – Значит, первый подозреваемый – муж – точно не замешан?

– Точно никто не знает, – философски заметила Маша, – но все-таки маловероятно.

– Любовник?

– Муж говорит, что нет, – пожала плечами Маша. И сама же кивнула, мол, знаю-знаю. – Но муж всегда узнает все последний.

– Вот-вот. – Андрей шелкнул ее по носу. – Давай-ка разделимся: я поеду в театр, а ты позвони... – Он глянул в записи: – В благотворительный фонд «Спаси жизнь».

– Хочешь подышать воздухом закулисья? – улыбнулась Маша. – Увидеть актрис в неглиже?

Но Андрей даже не счел нужным отвечать на безусловную провокацию: сгреб Машу в охапку, поцеловал строго так, по-товарищески, в губы (все-таки отлично, что она не красится) и пошел себе в Театр им. Чехова.

* * *

Воздух закулисья оказался пыльным, а вид закулисья – тоскливым. Театр, расположенный в одном из арбатских переулков, был явно на последнем издыхании: протертые старые кресла, клубки пыли по углам, разошедшийся паркет.

– Он ге-ни-аль-ный! – объявила ему администратор, дама лет пятидесяти, с объемной грудью, увешанной объемными же янтарными бусами. – Он выведет наш театр на новый уровень!

И она помахала в воздухе рукой в крупных серебряных кольцах с малахитом: то ли виртуальный дым сигарет разгоняла, то ли подозрения пришедшего оперативника насчет медленного умирания российской Мельпомены.

– У него уже две международных премии плюс «Золотая маска» и «Золотой Арлекин»! Знаете, он берет русскую классику, того же Островского, и выворачивает его наизнанку. Зрители выходят потрясенные, взбаламученные искусством...

На «взбаламученных» Андрей не выдержал:

– Значит, режиссер Саркелов пришел в ваш театр совсем недавно и сразу пригласил на главные женские роли Алису Канунникову?

– И тут вы не угадали! – Энтузиазму дамы не было предела. – У Алексея свое, авторское видение. Суть была в том, чтобы дать Алисочке выразиться в нетипичных для нее характерных ролях. Ведь что предлагают такой девушке? – И администратор лукаво улыбнулась.

– Что? – не нашелся что ответить далекий от Мельпомены Андрей.

– Инженю, юную красавицу – Джульетту, к примеру. А у Алеши она играла в тяжелом, уродовавшем ее гриме, а затем постепенно как бы открывала истинное свое лицо. Как душу, понимаете? И душа ее была прекрасна...

– Ясно. – Андрей потер переносицу. – И какие отношения, кроме профессиональных, связывали Алису с Саркеловым?

– Никакие! – возмутилась администратор, даже побледнела. – Вечно гадости какие-то ищете. Талантливые молодые люди, у каждого своя личная жизнь... Алиса, между прочим, замужем! У Алексея тоже... Отношения!

– С кем?

Дама подняла тонко выщипанную бровь на чуть оплывшем лице, сложила большие руки на исцарапанной столешнице:

– Вот этого не могу вам сказать. Он со мной, знаете ли, не панибратствует.

* * *

Выйдя от администратора, Андрей ткнулся наобум в первую же приоткрытую дверь. В небольшом помещении пахло нафталином и старой шерстью. Справа на входе стоял шкаф, на нем горой лежали шляпы: фетровые с полями, соломенные с лентами, треуголки – с перьями. Несколькими рядами до самой дальней стены густо шли вешалки с костюмами. В глаза Андрею бросился поблескивающий серебряной нитью кафтан с белоснежным жабо. В глубине спиной к нему сидела девушка в черном свитере-лапше. Золотистые волосы локонами спускались до середины худенькой спины. Когда она обернулась, Андрей хмыкнул: «девушке» было уже к пятидесяти. Девичья прическа, как ни парадоксально, ее скорее старила. Лицо под слоем пудры казалось кукольным, почти неживым, но при вопросе об отношениях главного режиссера театра мгновенно пришло в движение.

– Ха! Тоже мне, секрет Полишинеля! Какая-то баба из Министерства культуры! – Костюмерша дрогнула белокурыми буклями. – Нашу-то богадельню прикрыть хотели: залы пустые, актеры к спектаклю готовятся спустя рукава, слова – и те не учат! Так сначала слух прошел: отдаем помещение под какое-то присутственное место, а потом этот наш кузнецик прискакал – Алешка Саркелов. Тут и разговоры начались, мол, не дадим погибнуть искусству! Возродим театр! Возродить – это сейчас дело модное, сами знаете. Сначала изничтожили что можно, а теперь оживить пытаемся, тьфу! – И она вполне натурально сплюнула.

«Все-таки в театре даже костюмеры не лишены своеобразного актерского дарования», – усмехнулся про себя Андрей. А костюмерша торжествующе закончила:

– Ну а он с собой эту чертову девицу привел, очевидно, как символ эпохи Возрождения.

Андрей кивнул, а дверь внезапно распахнулась, и на пороге появился высокий худой юноша с длинным лицом.

– Майя Александровна! – начал он и осекся, увидев Андрея.

– А вот и он. Явился, не запылится! – краем рта сообщила костюмерша Андрею и расплылась в медовой улыбке: – Алексей Валерьевич, тут следователь пришел, с Петровки. По поводу убийства нашей Алисочки.

– Старший оперуполномоченный капитан Яковлев, – поправил ее Андрей. – Где мы могли бы с вами побеседовать?

Ираклий

«Все-таки, – думал Ираклий, паркуя машину, – странная история».

Станный звонок. Станный голос – то писклявый, то басовитый. Будто кто-то неумело пытается его, голос, изменить. И то, что этот человек знает про Ираклия, тоже странно. Зря он согласился на встречу. Он замер на секунду, прежде чем открыть дверцу машины, посмотрел на кусочек блеклого, не налившегося еще синевой неба, едва видимого из-за небоскребов Москва-Сити. «Да еще и такая рань несусветная...» Ираклий зевнул, вынул себя из низкого спортивного автомобиля, сладко потянулся. На улице было свежо, даже воздух еще не пах, как обычно, бензином. – Да ладно. Встретится он с этим чуваком. Наверное, журналист какой. Выкопал древнюю историю и пытается его шантажировать. Детский сад. Не на того напал. Ираклий прошел быстрым шагом к Бизнес-центру. Кивнул охраннику на входе, вызвал лифт. Огромное зеркало отразило широкоплечую фигуру в сером комбинезоне – нечто среднее между спортивным костюмом и пижамой: голову покрывал капюшон, позволяющий совершать утреннюю пробежку и быть неузнанным, на ногах – кроссовки из мягкой кожи. Стильно и уютно. Ираклий вынул мобильник и сделал селфи – «лифтолук». Пока доехал до нужного, последнего этажа, успел запостить фото в инстаграм с надписью: «В здоровом теле здоровый «Ух!».

Двери открылись, и он снова накинул капюшон.

– Меня ждут, – сообщил он спящему на ходу официанту.

– Еще не подошли, – ответил гарсон, пытаясь сдержать зевок.

Ираклий выбрал столик в дальнем углу. Из панорамного окна, выходящего на террасу, открывался вид на нестерпимо блестящие на утреннем солнце столичные небоскребы.

– Двойной эспresso, – кинул он официанту и развалился на стуле, поглядывая по столам. Ни души. Кафе обслуживало работников бизнес-центра – днем в этом месте будет не протолкнуться. Вечером, где-то с пяти, народ тоже набивался, чтобы пропустить стаканчик, поглядеть футбол или пофлиртовать с коллегой. Но в шесть утра здесь не было никогошеньки, и Ираклий сам себе кивнул. Незнакомый явно не дурак. Тут их точно никто не потревожит.

– Доброе утро, – услышал он за спиной и резко обернулся. Рядом стоял высокий рыжебородый мужчина в кепке и светлом плаще.

Ираклий быстро просканировал его взглядом – от коричневых ботинок до ворота черного свитера, торчащего из-под плаща. Втянул носом воздух: от неизвестного исходил легкий запах нафталина. Официант подошел и поставил перед Ираклием наперсточек эспresso, а перед должовязым – большую чашку капучино.

– Будьте добры, сделайте так, чтобы нас никто не беспокоил, – сказал неизвестный спокойным голосом заспанному халдею. И тот мгновенно испарился.

«Никакой он не журналист, – понял Ираклий, снова исподтишка оглядывая мужчину напротив. Что-то было не так. Одежда, родом из 80-х, явно вынута ради встречи с ним из глубин платяного шкафа, окладистая рыжая борода, а брови и ресницы – темные. Ираклий вздрогнул. – Что за бред?»

– Зачем вам накладная борода? – спросил он, глядя прямо в карие с зеленою глаза мужчины.

Тот улыбнулся – зубы были свои, кривоватые.

– Ничего себе, как вы меня рассекретили. Это, – он легонько дотронулся до бороды, будто боялся, что она отклеится, – даже не ради меня – ради вас. Вы же личность известная. Зачем... – неизвестный задумался, подыскивая слова, – вас компрометировать?

– Я не девушка, – нахмурился Ираклий и отодвинул от себя пустую чашечку. – Не стоило так утруждаться.

А мужчина ничего не ответил:пил капучино маленькими глотками и внимательно оглядывал Ираклия. Взгляд был странный. Ираклий почему-то вспомнил своего приятеля, что держал в Подмоскovie питомник породистых ротвейлеров. Однажды тот был вынужден пристрелить одного из своих лучших производителей – красавца Зигмунда. Зигги, как приятель его называл, заболел бешенством. Прошлой осенью Ираклий наблюдал, как приятель недрогнувшей рукой поднял ружье и... Что за чушь лезет в голову?

– По телефону вы сказали, что у вас есть очень важная информация, – сказал он, почему-то нервничая.

– Не здесь. – Рыжий допил свой капучино и встал.

Ираклий посмотрел на него с сомнением:

– Тут никого нет.

– Тут есть камеры. И есть люди, которые умеют читать по губам, – усмехнулся неизвестный. – Мне все равно. Но если хоть что-нибудь из этого просочится в прессу, вашей карьере конец.

Ираклий встал. Черт с ним! Надо побыстрее с этим покончить. Мужчина толкнул дверь на террасу. Ираклий вышел и вздохнул: красиво все-таки. Горят золотым огнем громады небоскребов. Чуть дальше серебристой лентой сверкает Москва-река. Внизу, совсем крошечные, снуют автомобили – шумит большой город. А здесь, в вышине, тихо. Только очень уж высоко. Ираклий опасливо подошел к ограждению из прозрачного пластика.

– Сюда. – Мужчина подозвал его чуть левее. – Поглядите, с южной стороны отлично виден храм Христа Спасителя!

«Да какая разница?» – подумал Ираклий, но послушно подошел.

А в следующую секунду долговязый мужчина в светлом плаще мгновенным жестом выбил пластиковый лист ограждения и с силой толкнул его вниз. От неожиданности Ираклий коротко вскрикнул, вызвав шок у ранних уборщиц парой этажей ниже, а следующий протяжный крик уже потонул в утреннем московском шуме.

А человек в светлом плаще зашел обратно внутрь кафе, допил последний глоток чуть теплого капучино, слегка одернул коротковатый по нынешней моде рукав и увидел, прямо под большой костяной пуговицей на манжете, крошечное темно-бурое пятнышко. Кровь. Еще с прошлого раза. Он усмехнулся: плащ стал у него почти униформой. А это неправильно. Его придется сжечь, придумав себе на будущее новую экипировку.

Он положил купюру в тысячу рублей под чашку и спокойно отправился к лифту.

Официант, задремавший на стуле за барной стойкой, даже не заметил, как остался один.

Отрывок из зеленой тетради

...что человеческая ДНК совпадает с ДНК банана на 50 %. Хорошая ли это новость? Не знаю. С другой стороны, нейроны головного мозга соединены меж собой, подобно структуре Вселенной. С одного боку – банан. С противоположного – бесконечность. Пугающая простота рядом с пугающей же сложностью. Вот еще новость: почти половина генетического ДНК-материала, найденного в нашем желудочно-кишечном тракте, пока абсолютно неподвластна классификации. Генетики знают, что это не: не-бактерии, не-грибок, не-вирус. Но что же это тогда, черт возьми?! Они назвали субстанцию «темной биологической материей» по аналогии с той «темной материей», поисками которой заняты астрофизики. Подозревают, что именно там, в этом темном непонятном месте и хранится наша генетическая память – от первых прямоходящих сапиенс. И именно там содержится запас прочности, позволяющий человеку выдерживать экстремальные условия существования и выживать в борьбе с вирусами, не прибегая ни к каким лекарствам. По большому счету, если мы сравним генетику с иностранным языком, где имеется многотомный словарь, – сами гены плюс энное количество грамматических правил, организующих наследственную информацию, приходится признать: несмотря на огромный научный прорыв в генетике в XX веке, мы на этом языке еще не разговариваем. И даже не лепечем. Только мычим.

Андрей

– Да бога ради, приходите, – раздался хриплый голос в трубке. – Я дома и никуда не собираюсь.

И Томская закашлялась так, что не оставалось никаких сомнений – и правда не собирается. Телефон и адрес ему дал режиссер Саркелов – актриса была единственной конкуренткой покойной Алисы Канунниковой на театральных подмостках. Жила она в десяти минутах пешком от театра, и Андрей с удовольствием прошелся, потому что погода в кои-то веки радовала – ровное тепло, затянутое белесыми полупрозрачными облаками небо, не жарко, не холодно. Мечта, а не погода.

– Нужно быть удачливой, как я, чтобы заболеть в июне, – сказала, открыв ему дверь, гну саво Томская. Нос у актрисы был красный, халат – ядовито-зеленого цвета, на ногах – шерстяные носки с начесом. А сама она оказалась крошечной, не выше метра шестидесяти. Отодвинув, не глядя, ногой серого дымчатого кота-британца от двери, Лиза впустила Андрея внутрь. От большой прихожей вели двери в комнату и коридорчик – на кухню. Андрей успел заметить на кухонном столе Пизанскую башню из тарелок. По квартире витал слабый запах жареной рыбы.

– Пойдемте в мою комнату, мы эту квартиру на двоих с подругой снимаем. – И она чуть подтолкнула его к двери справа.

Комната Лизы была светлой и в прибранном виде, наверное, достаточно просторной. Но сейчас везде – на полу, на кровати, застеленной претенциозным черным шелковым бельем, на стуле и широком подоконнике – валялись вещи. Колготки, джинсы, юбки, нижнее белье... Андрей смущенно отвел глаза.

– Простите, – сказала Томская у него за спиной все так же в нос. – Болею уже неделю. Не до уборки.

Андрей хотел было сказать, что прийти к такому хаосу всего за неделю невозможно, но промолчал: кто он такой, чтобы давать советы по наведению порядка? Они с Раневской и не в таком бардаке живали – и никто не умер.

– Творческий беспорядок у творческой личности, – вместо этого сказал он.

Томская кокетливо улыбнулась и, сняв кипу вещей со стула, перебрала их на кровать:

– Будьте как дома.

А сама нырнула обратно в постель. Андрей усмехнулся, сел на стул, оглядел батарею лекарств на прикроватном столике.

– Я знаю, зачем вы пришли, – сказала Томская, высморкавшись в бумажный платок и бросив использованный комочек на пол. – Майка-костюмерша уже доложила. Рыдать я перед вами не буду, хоть и могу это сделать профессионально, а нос с глазами и так красные.

– Так чего ж не порывааете? – поднял бровь Андрей.

– А не хочу. – Томская посмотрела на него с вызовом: – Не любила я вашу Алиску, вот и все!

– Завидовали? – усмехнулся Андрей.

А Лиза кивнула:

– Ага. Завидовала. А кто б ей не завидовал, с такой фигурой и мордашкой? Тем более из актерской братии. Для нас внешность – так сказать, «товар лица». Но дело не в этом.

– А в чем же? – Андрей вытянул ноги – эта кареглазая малютка начала ему импонировать своей искренностью.

– А в том, что с такой внешностью легко казаться ангелом. Не то что мужики – иные бабы ведутся. Возьмем нашего Алешеньку...

– Который собирался дать вам главную роль, а потом передумал? – сощурился Андрей.

Лиза махнула маленькой ручкой с красными коготками:

– А вы меня не провоцируйте, я вам и так все расскажу. Почему, думаете, она в нашу заштатную шарашку пришла? Это с мужем-то – ведущим продюсером на Первом?

– Из любви к искусству? – предположил Андрей.

– Ха! – сказала Лиза и закашлялась. Злобно глянула на Андрея, потянулась к кружке на прикроватном столике, отпила явно уже холодного чая. – Не смешите меня, – продолжила она хриплым шепотом. – Она просто узнала, кто у нашего кузнечика любовница!

– Кто-то из Министерства культуры? – продемонстрировал свою якобы осведомленность Яковлев.

– «Кто-то»! – передразнила его Лиза. – Министерша, на секундочку! Новая Фурцева – так ее, кажется, называют!

– И что? – пожал плечами Андрей. – Ну, новая.

– Вы совсем идиот или прикидываетесь? – Лиза сверкнула карими очами. – Она может все. Может дать нашему театрику такое государственное финансирование – закачаешься. А если Алешке надоест с театром играть, кинет денег на кино – проект века. Снимай – не хочу.

– Хотите сказать, что Алиса только по этой причине и появилась в вашем театре?

Лиза вместо ответа смерила его презрительным взглядом, потом взяла со столика ингалятор для носа и, полная достоинства, пшикнула себе пару раз в каждую ноздрю.

Андрей задумался: министр, приревновавшая молодую актрису к своему фавориту? Почему нет? Он вновь посмотрел на Лизу:

– А что вы сами делали вчера вечером, Елизавета? Ведь соперничество в профессиональных кругах тоже дело обыкновенное.

– Это да, – широко улыбнулась Лиза. – У нас тот еще гадюшник. Только тут вам не повезло – весь вчерашний день моя подруга сидела дома и может подтвердить: кроме как сморкаться, чихать и дышать над кастрюлей с картошкой, я не занималась ничем предосудительным.

Маша

Маша на секунду отвлеклась, замерев с трубкой у уха. С ней в последнее время это случалось довольно часто. В последнее – с тех пор, как она вернулась из Лондона. Ситуация должна была разрешиться. Но не разрешилась. А напротив, еще более запуталась. Она осталась рядом с Андреем – там, где и должна была быть. И для всех казалось логичным продолжение цепочки: Маша Каравай вернулась в Москву, вернулась к Андрею, а значит – пришла работать обратно в МВД. На круги своя. Но своя ли?

– Ты не можешь, – сказал ей Петя, заявившийся пару недель назад к ним с матерью на чай, – просто не имеешь права теперь всю жизнь чувствовать себя в долгу.

– Нет? – грустно улыбнулась Маша. – А что бы ты чувствовал на моем месте?

Петя расстегнул – то была уже третья чашка чаю – свой скучнейший адвокатский пиджак, и Маша ахнула – под ним обнаружился разноцветный жилет в оранжевых и фиолетовых райских птицах. Высший шик, тайная британская эксцентричность настоящего денди.

– Не знаю, – честно сознался Петя. – Но ведь это же ловушка. Прямо как в классической английской литературе: между долгом и чувством.

– Нет, – покачала головой Маша. – Не прямо. Долг и чувство у меня в одной корзине. Но ловушка все равно есть. Я должна была понять, что делать дальше, но не успела. Андрей спас мне жизнь, и всё – я уже не способна к размышлениям. Просто хочу быть с ним рядом, и если это значит продолжать работу на Петровке...

– Не знаю, – повторил Петя, упрямо тряхнув головой в темно-рыжем ежике. – Все равно выбор необходим любому человеку...

Выбор... Маша вздохнула. Петя уехал обратно в Вестминстер, так и не дав Маше ответа. По той простой причине, что ответ она должна была дать себе сама.

Маша досадливо положила трубку на место: она выбрала не лучший момент, чтобы предаваться раздумьям.

Вот, например, только что она дозвонилась в благотворительный фонд и выяснила, что покойная Алиса Канунникова почти не появлялась ни в фонде, ни в больнице. Впрочем, Антонина Викторовна, глава фонда, на «Алисочку» все равно молилась. Зачем молоденькой девочке, спрашивала она Машу, смотреть на «такое»? Зато Алисочка рассказывала о фонде во всех своих интервью и даже организовала на прошлогоднем «Кинотавре» гала-ужин, куда пригласила кучу знаменитостей, собрав много, очень много денег... Что ж, вопрос с благотворительностью, похоже, прояснился.

Но ведь где-то Алиса все-таки проводила время, официально отданное умирающим детям в хосписе?

Маша, хмыкнув, взялась за распечатку звонков с телефона Канунниковой. Алиса регулярно звонила мужу, маникюрше, косметичке и парикмахеру. Пару раз – отцу с матерью. Разговоры были короткие. У нее, как признался Маше Рудовский, было немного подруг – все они остались в районе на окраине, где Алиса окончила восьмилетку. В институте девушка тоже мало с кем близко сошлась: во-первых, месяцами пропадала на съемках. Во-вторых, рано начав делать блестящую карьеру, не пользовалась расположением однокурсников. Маша задумалась: мало кто тянется к откровенно некрасивым людям, если только эта некрасота не оживлена игрой ума, чувством юмора или обаянием. Но, получается, можно стать парией, даже если ты красива? Маша пометила себе побеседовать с маникюршей и парикмахершей – одинокие девушки часто делятся с ними своими секретами.

И открыла распечатку СМС. Там тоже была своя закономерность, но на месте частого номера телефона Рудовского появился совсем другой набор цифр. Она повертела мобильный актрисы в руках: на экране зажглась фотография – Алиса в обнимку с мужем. Телефон был

защищен паролем, но Маша, взглянув в свои записи, нашла дату рождения Канунниковой и забила день и номер месяца в открывшееся окошко для пароля – вариант почти беспроигрышный. «Пароль введен успешно». На экране сменилась фотография – теперь это была Алиса крупным планом. Маша нашла иконку СМС и открыла, сверяя каждое из сообщений со своим списком. СМС от маникюрши и парикмахерши остались на месте, но сообщения от того, с кем она переписывалась всего чаще, исчезли, будто их и не было. Алексей Валерьевич Саркелов, 82-го года рождения, прочла она строчку в своих бумагах. Режиссер театра. Маша не знала, насколько принято в театральных кругах переписываться с режиссером, у которого ты занята в основных спектаклях, но факт того, что Алиса стирала сообщения, мог свидетельствовать только об одном.

– Андрей, – сказала она в трубку, продолжая перебирать СМС, – боюсь, тебе придется вновь побеседовать с режиссером. Ты далеко уехал?

– Да нет, – голос Андрея звучал глухо, – только что вышел из гостей. Был, между прочим, у ведущей актрисы. Видел ее, кхм, неглиже.

– Что? – нахмурилась Маша, оторвавшись от Алисиного моби́льника.

– Как ты и предполагала. К сожалению, неглиже отдельно, актриса – отдельно. А знаешь, кто любовница у нашего режиссера-кузнечика? Сама министр культуры! Ничего себе, да?

– Кстати, – медленно сказала Маша, – не только она. Похоже, еще и Алиса Канунникова.

– Да ладно! – На другом конце трубки хлопнула дверь парадной. – И как ты это поняла?

– Потом расскажу, – сказала Маша, ей жаль было тратить время на объяснения. – Просто побеседуй с ним с глазу на глаз. Так сказать, прицельно, хорошо?

И, получив заверение Андрея, что прямо сейчас, куда деваться, он отправится обратно к пыльной Мельпомене, она повесила трубку и продолжала читать одно за другим СМС.

«Жанночка, запиши меня на педи в восемь в четверг».

«Алиса, получили пилинги французские, если интересуется, звони».

«Как Вы просили, перенесла укладку на шесть, Марина».

«Забрал твои вещи из химчистки. Люблю».

И вдруг:

«Алиса, я знаю, что это сделала ты. Бездушная дрянь, будь ты проклята!»

Андрей

«Кузнечик – очень правильное прозвище», – подумал Андрей, глядя на сутулую фигуру на подоконнике. Только что он задал ему основной на сегодня вопрос, и капитану даже не потребовался ответ – настолько красноречива была поза режиссера, мгновенно сгорбившегося и по-детски прячущего лицо, делая вид, что его очень интересует двор за окном кабинета. Андрей вздохнул: вот и приехали. Банальная драма. Он был старше ее, она была хороша и нашла себе кого-то помоложе... Но тут Саркелов повернулся к Андрею, и тому стало не по себе – такое откровенное страдание читалось в невыразительных серых глазах молодого дарования.

– Будет лучше, если вы мне сразу все расскажете, Алексей, – мягко сказал Андрей, поскольку Саркелов, так и не произнеся ни слова, вновь отвернулся к окну.

– Вы ничего не поймете, – ответил тот, продолжая смотреть на пейзаж за окном.

– А вы попробуйте, – вздохнул Андрей. – Я, конечно, особа не больно тонко чувствующая, но...

Саркелов вяло слез с подоконника и сел в свое кресло за столом.

– Что вас интересует? Когда это началось?

Андрей кивнул.

– Почти сразу, как только мы начали репетировать. Это было родство душ, если хотите. – Саркелов сделал паузу, взглянул на него вызывающе. Андрею было нечем крыть. Родство душ – понятие эфемерное. – Мы пытались провести вместе каждую свободную минуту...

– Любовь? – спросил Андрей почти без выражения. Он хотя бы понимает, этот режиссер-авангардист с оригинальным подходом, какую пошлость несет?

– Любовь. – Саркелов кивнул, вновь подняв на него взгляд, и Андрею стало неловко от неприкрытого страдания, исказившего лицо режиссера.

– Ясно, – только и мог сказать он. – Так почему же Алиса не бросила своего мужа и не воссоединилась, так сказать, с вами? Детей у нее не было, и...

– Дело не в детях. Рудовский ей был как отец, она чувствовала себя ему обязанной за все, что тот для нее сделал. Кроме того, он был нездоров, и бросать его в такой ситуации было бы просто жестоко. А Алиса... Была какой угодно, но не жестокой.

– То есть вы не ревновали? – откинулся на стуле Андрей.

Саркелов бессмысленно переставлял на столе стаканчик с карандашами и степлер. Пожал плечами:

– Ревновал, конечно. Ну а куда деться-то? Это Алисе решать. И потом – он многое мог ей дать в карьерном плане, а я...

– А у вас есть высокая покровительница, разве нет? – не выдержал Андрей.

– Уже насвистели, – мрачно усмехнулся Саркелов. – Ну, есть. Все равно мне нужно было встать на ноги...

– И при такой сумасшедшей любви никого из вас не смущало, что у обоих есть еще отношения «на стороне»?

Саркелов чуть покраснел:

– Ну хорошо. И что мне было делать? Предложил бы я Людмиле расстаться, думаете, она бы не докопалась до Алисы?

– Докопалась бы?

– За день! – хмыкнул Саркелов, поелозив на стуле. – Полагаете, если она министр, то у нее нет комплексов?! Как считаете, дала бы она потом Алисе сниматься, играть в театре? Да она похоронила бы ее как актрису! И не думаю, чтобы Алиса сказала мне за это спасибо...

– Ясно, – покачал головой Андрей. – А ваша Люда не могла...

Алексей мгновенно вскинулся:

– Да вы что! Во-первых, она ничего не знала о наших отношениях – мы были очень осторожны.

– Ну я же узнал, – пожал плечами Андрей.

– Вы – другое дело, – дернул головой Саркелов. – А Люда бы не стала убивать. Она же не сумасшедшая! Оскорбиться, испортить жизнь мне или Алисе – да, это легко. Но подсылать убийцу?

Андрей был согласен с его аргументами, но сделал вид, что размышляет. И тогда режиссер вынул последнюю карту из рукава:

– Да и не влюблена она так уж, чтобы ради меня на убийство пойти.

– Уверены?

Саркелов поморщился:

– Уж поверьте. У нее каждые полгода пассии меняются. Я не первый и не последний. А вот Алиса... – Голос его дрогнул. – Алиса любила меня по-настоящему.

«Все ж таки какие мы все, мужики, идиоты!» – посмотрел Андрей на него с жалостью и уже хотел было откланяться, как вспомнил, что Маша перезвонила ему с еще одним вопросом.

– «Я знаю, что это сделала ты. Бездушная дрянь, будь ты проклята!» – процитировал он по памяти.

Саркелов вздрогнул:

– Что вы сказали?

– Не ваше СМС?

Режиссер посмотрел на него во все глаза и молча помотал головой.

– Ясно. – Андрей поднялся со стула. – Не знаете, кто мог отправить такое Алисе?

– Не знаю, – сглотнул Саркелов, дернув кадыком, и тоже встал. И Андрей уже открыл дверь, когда тот добавил: – Но догадываюсь.

Отрывок из зеленой тетради

...и чем больше мы узнаем, тем дальше простирается великая пустыня нашего незнания. Говорят, Клеопатра вскрывала животы своим беременным рабыням, чтобы понять, как развивается человеческий плод. Ведь если задуматься – именно эта лаборатория, создание из ничего – человека, и есть самое главное чудо, сродни тем, еще библейским, прямым из священных текстов. Единственное чудо, которое даровано наблюдать человеку и дано испытать почти каждой женщине. Сегодня, к счастью, у генетиков появились более гуманные способы заглянуть в лабораторию Жизни.

Один из способов – методология ошибок. Эти сбои в работе природы – еще их зовут мутациями – и являются для ученых ценнейшей нитью Ариадны. Следуя за ней, наблюдая за появлением сиамских близнецов, двухголовых ягнят или шестых пальцев, мы получаем во владение еще один малюсенький кусочек пазла генной грамматики.

Впрочем, даже не видя общей картины, ясно одно: на уровне генетики наше отличие от любого из мутантов – тех же сиамских близнецов – мизерно, почти незаметно. Маленький сдвиг, крошечный узелок в огромном генетическом полотне наших ДНК. Сдвиг столь незначительный, что возвращает нас к вопросу: где норма? От чего отталкиваться ученым, описывая патологию? Ответ на этот вопрос пугающе прост: нормы не существует. Нет в природе понятия «палата мер и весов». Нет, по аналогии с идеальным метром и килограммом, единственно «правильного» человека. Мы все мутанты. Просто некоторые больше, чем другие.

Маша

– Он умер, Андрей. Профессор Кононов. – Маша вздохнула.

Они сидели на крыльце на дачке. Воздух был тих, пахло медовой травой и дымом. Из ближайшей канавы концертировали лягушки. Голова Раневской лежала у Маши на коленях. Они отужинали, и пес с Андреем находились в отличном расположении духа: желудок полон, Маша рядом – чего еще желать? Одна Маша все никак не приходила в состояние нирваны.

– Понимаешь, – говорила она, глядя с нажимом лобастую башку Раневской, – у мужа – алиби. Он весь день сидел на съемках на Новоастаповской. У любовника – алиби. Он репетировал новый спектакль в Таллине. Есть еще министр – ее проверим, конечно, но я, честно говоря, доверяю суждению твоего «кузнечика»: не стала бы она рисковать своей карьерой. Будь у них более серьезные отношения, и то не факт. Ну и последний из подозреваемых, профессор, умер пару месяцев назад. Тут тоже алиби – не подкопаешься.

– Как ты вообще поняла, что у нее с профессором был роман? – Андрей с видимым удовольствием вытянул ноги, подвинув разлегшегося Раневскую.

Маша пожала плечами:

– Полгода назад Алиса вышла замуж за своего продюсера. И тогда Кононов посылает ей СМС «будь счастлива» – типичное «как дай Вам Бог любимой быть другим», проходит несколько месяцев, и тут такое – «дрянь, будь проклята!» – в общем, страсть. Разве нет?

Андрей кивнул:

– Наверное. Думаешь, узнал, что Алиса крутит роман с молодым режиссером?

Машина рука на секунду замерла на голове у Раневской, и тот сейчас же распахнул карий и очень наглый глаз. Маша улыбнулась и продолжила сеанс ежевечерней глажки.

– Вряд ли. Подумай: «Я знаю, что это сделала ты!» Если бы речь шла о романе, он бы написал: «Я знаю, что ты делаешь» – в смысле, мне изменяешь. А тут речь скорее о каком-то событии, о котором никто не догадывался, что это вина Алисы, а Кононов узнал и был в ужасе.

– А отчего он умер-то?

Маша усмехнулась:

– Ничего подозрительного. Острая сердечная недостаточность. Профессору было около семидесяти. Слабое сердце. Инфаркт.

– Около семидесяти? – поднял бровь Андрей. – Ничего себе! Девушка не промах: трое любовников, причем заметь – трех возрастных категорий. Может, там еще кто-нибудь имеется, стоит только покопать?

– Может, – задумчиво кивнула Маша. – Но мне все-таки интереснее покопаться в истории с Кононовым.

– Так сходи завтра в театральный да и выясни там на месте. Все равно, похоже, следствие зашло в тупик? – Он взял и поцеловал ее в ладонь, оторвав от жесткой башки Раневской. – Да, я ревную к собаке! – ответил он на ее иронично поднятую бровь и кивнул распахнувшему в возмущении глаза псу. – И кто меня осудит? Ты его гладишь уже час как! Вспомни, когда ты последний раз так гладила меня?

Маша расхохоталась и встала, потянувшись, со стула:

– Ладно, пойдем спать!

И, уходя с террасы, услышала, как Андрей заявляет Раневской:

– Без тебя, дружок, без тебя!

Андрей

А на следующее утро его ждал сюрприз. Дело о скандальном телеведущем криминальной хроники Ираклии Джорадзе. Андрей мрачно смотрел на лежащую на обширном столе непосредственного начальника, полковника Анютина, тоненькую папку с делом, переданным на Петровку вчера вечером. За тем его и вызвали в кабинет к руководству.

– Значит, так, капитан: актрису оставишь Каравай. А у нас тут нечаянная радость – еще одна знаменитость. Везет тебе, Яковлев, сплошной гламур: подающая надежды актриса, ведущий центрального телеканала. Цветы и поклонники. Покрутишься среди звезд, пообтешешься, чем плохо?

Анютин чуть ли не ворковал, тот еще сказочник. Ему ли не знать: ничего хуже, чем убийство знаменитости, нет. Круг подозреваемых расширяется до бесконечности, включая тысячи полубезумных фанатов, пресса лезет под руку, бывшие жены, друзья и любовницы пользуются кончиной, чтобы порассказать небылиц, – а ты проверяй. Андрей взял папку, поднял мрачный взгляд на Анютина:

– Дело, как я понимаю, на особом контроле?

– Правильно понимаешь, – резко сменил интонацию Анютин. «Вот по кому театр-то плачет!» – подумалось Андрею.

– Тут же криминальная хроника, капитан.

– Ах да! – еще больше помрачнел Андрей. Еще и криминальная хроника. Полный набор. Он встал и, коротко кивнув, вышел.

* * *

В кафе на сороковом этаже было шумно – очевидно, никого не смутило недавно произошедшее тут убийство. А может, напротив – именно поэтому все и набежали: офисный планктон решил пощекотать себе нервы. Андрей неприязненно оглядел местную публику: классические серые и темно-синие костюмы, белые и голубые рубашки, гладко выбритые лица, запах дорогих одеколонов. Андрей прикинул, стоит ли выходить на закрытую ныне для посетителей террасу – осматривать подпиленный участок в ограждении? И решил – не стоит. Как свидетельствовали показания директора заведения, на террасе камер не было. И, похоже, преступник это отлично знал. Криминалисты уже высказали предположение: пластик, скорее всего, покровсали специальным ножом для резки оргстекла и пластмассы. Такой можно купить в любом из магазинов для рукастых и хозяйственных мужчин и подготовить территорию заранее – в дождь, к примеру, когда терраса совсем безлюдна.

Андрей приметил нужного ему официанта и сделал знак рукой. Полный, с виду похожий на сонного медвежонка малый неожиданно быстро принес меню. Андрей рассеянно заглянул внутрь: «Домашние сырники с бабушкиным вареньем». И сразу же с отвращением закрыл. Как он уже понял, меню модных столичных ресторанов характеризовались двумя типами блюд. Первые были непроизносимыми, к примеру: «Глазурированный сибас в конфи из фенхеля и спаржи». Ты смутно представляешь, что заказываешь, платишь втридорога, за эти деньги еще и чувствуя себя провинциальным идиотом. Вторые играли на народности и ностальгии по детству, без конца сюсюкая со своими клиентами: «Нежные котлетки, как у мамы», «Щички, как у бабки» и так далее. И ничего, что бабка померла еще до вашего рождения, а мать была алкоголичкой – кого это волнует? Приторная интонация прилипла к губам, но Андрей еще помнил, что его бабушка никогда не варила варенья, а мама если и делала сырники, то те вечно разваливались на сковороде и подгорали.

- Кофе, – сказал он официанту. – И какие-нибудь макароны, лучше с мясом.
- Паста Паоло? – Гарсон занес ручку над блокнотом.
- Ее. И еще, – Андрей кивнул на кресло рядом, – присядь.
- Мы с гостями не сади... – начал тот, но Андрей молча показал ему корочки, и парень плюхнулся рядом, подняв на него испуганные глаза: – Да?
- Мне нужно, чтобы ты вспомнил того человека, который пришел вместе с Джорадзе. Как он выглядел?
- Да я ж все уже...
- Еще раз.
- Ну, борода рыжая, высокий, худой вроде, но плащ такой, мешком, не особенно разглядишь. Я вон даже Джорадзе не узнал, он в очках темных был и в капюшоне на голову, а я...
- Подменял друга после ночной смены. Я читал показания. Теперь вспомни, как он говорил, интонации, может быть, акцент?
- Парень пожал плечами:
- Да нет. Не было акцента. Но говорил он... – Гарсон задумался, почесал коротко стриженную круглую голову. – Знаете, по-начальнически. Спокойно так. Но не так, как здешние начальники.
- Здешние? – сощурился Андрей.
- Ну, из Бизнес-центра разные менеджера. – Он сделал ударение на последнем слог, и Андрей понял, что парень тоже недолюбливает тутошнюю публику.
- И в чем разница?
- Парень мотнул головой:
- Не знаю, как объяснить. Как будто он настоящий начальник, понимаете? Без нажима так, интеллигентно, но слушаешься – на раз.
- Андрей вздохнул, глядя на парня: мол, это все? Парень виновато поморщился:
- Больше ничего не помню. Извините. Кофе-то вам нести с пастой?
- Нет, – Андрей встал, – спасибо.
- И покинул заведение. А спускаясь в лифте, приободрился: не зря все ж таки съездил. Если задуматься, много ли интеллигентов среди больших начальников? То-то.

Маша

Маша сидела в огромной гулкой аудитории театрального института и ждала Дину Вербову. Ей пришлось звонить Рудовскому, чтобы уточнить имя и фамилию ближайшей Алисиной институтской приятельницы и одногруппницы. Голос продюсера звучал глухо, но имя он назвал без колебаний – Вербова, хоть и не была задушевной подружкой, пару раз ночевала у них дома. Благо место есть, а Дина иногородняя. Маша сама себе кивнула – еще бы, уезжать на ночь глядя из такого особняка да в студенческое общежитие. Они договорились встретиться с Диной в перерыве между занятиями, и вот Маша уже начала рассеянно разглядывать из окна толпу студентов, распивающих пиво в садике вокруг здания, когда дверь в аудиторию распахнулась и на пороге появилась высокая, очень худая девушка с драматически подведенными глазами, в черном.

– Я – Дина, – представилась она, позабыв поздороваться.

– А я – Мария Каравай. Здравствуйте, – исправила ее оплошность Маша, протягивая девице руку. Дина пожалала ее с явной опаской. Ногти у нее были фиолетовые с перламутром, квадратные. Маша жестом предложила ей присесть за парту рядом, и Дина, громко втянув носом воздух, опустилась на стул, с некоторым вызовом вытянув длинные ноги: короткая юбка, черные плотные колготки и байкерские ботинки с черепами по бокам. Маша вспомнила тонкое, с бархатистой кожей лицо Алисы – голубоглазой блондинки, короткий шелковый пеньюар цвета нежной зари, в котором ее нашли, – привет из галантного века. Что у этих двоих общего?

– Да не мучайтесь вы! – вдруг сказала Дина и подмигнула Маше: – Я же вижу, о чем вы думаете: что у нас с Алиской общего?

– Семья? – предположила Маша, вспомнив, что Рудовский говорил о детстве Алисы, прошедшем почти в полной нищете.

– Не-а, – накрутила на палец Дина единственную длинную прядь волос за ухом. Вся остальная голова была в коротком ежике. – У меня предки очень положительные – в Сбербанке всю жизнь работают. Служебный роман. Получали хорошо, меня, как могли, баловали. А у Алиски родичи – пьянь подзаборная. Как такую цацу заделали – большой вопрос.

– Были, наверное, другие точки соприкосновения? – вернула ее к цели беседы Маша.

Дина кивнула, улыбнулась, обнажив мелкие острые зубы:

– А то! Взаимовыручка, как и положено у друзей!

Маша смотрела на нее во все глаза: не похожа была эта Вербова на человека, только что потерявшего близкого друга.

– Да не подруга она мне! – вновь будто слышала ее Дина и почесала облаченную в шерстяные колготки коленку.

– Не жарко? – усмехнулась Маша.

– Есть чуть-чуть. – Дина вдруг широко улыбнулась; заиграли аж четыре ямочки – две на щеках и две на маленьком подбородке. – Но имидж – наше всё! А по поводу Алиски, ну, стыдно сказать... Мы не дружили. Мы друг друга использовали. Вот и все.

– Нет, – нахмурилась Маша, – не все. Как использовали?

Дина опять почесала коленку, помрачнела.

– Да как, как! Рудовский ее давал мне пару раз в эпизодах сниматься – не бог весть что, но задел, так сказать, на будущее. А я...

Она замялась.

– А вы ее прикрывали перед мужем, так? – спросила без улыбки Маша.

– Ну да! – с вызовом пожалала плечами Дина. – А что такого-то? Сам дурак, раз верил. Кстати, не только перед мужем. И перед Кононовым...

– А вот с этого момента поподробнее, – нахмурилась Маша. – Что за отношения у Алисы были с профессором?

Вербова закатила глаза и продекламировала с надрывом:

– «Пускай скудеет в жилах кровь, но в сердце не скудеет нежность... О ты, последняя любовь! Ты и блаженство, и безнадежность!» – Посмотрела насмешливо на Машу: – Как-то так примерно. Она падала с ним в обморок. Кстати, с Рудовским тоже. Очень эффективный прием. Только надо это делать натурально. – И, увидев, что Маша непонимающе нахмурилась, добавила: – Ага. Вы, значит, не падали. Да еще небось не с «папиком» живете?

– Не с «папиком», – подтвердила растерянная Маша.

Дина кивнула и поерзала, поудобнее устрояваясь на стуле:

– Значит, так. Когда выбрали себе объект – а тема больше работает, понятное дело, с мужиками хорошо за сорок, нужно просто подойти, что-нибудь спросить незначашее и – хлоп! – упасть в обморок. Причем желательно ему на руки, а не затылком о бетонный пол. Уж не знаю, какие это там включает у них механизмы, но, если хорошо выглядеть и натурально хлопнуться, попадание почти сто процентов.

Маша смотрела на нее во все глаза, а Дина явно наслаждалась таким вниманием девицы с Петровки.

– Ну и, значит, ловит он вас, эдакую бездыханную, начинает бить по щекам, приводить в чувство, как Спящую красавицу. Тут вы ме-е-едленно открываете затянутые поволокой глаза и говорите... – Она сделала эффектную паузу и, убедившись, что Маша ее все так же внимательно слушает, закончила: – Ах, это вы?

Маша не выдержала, расхохоталась, и Дина, выйдя из образа проснувшейся красавицы, хохотала вместе с ней.

– Да вы талант! – отсмеявшись, заявила Маша.

– А то! – кивнула важно Дина, но тут же поправилась: – Хотя, честно скажу, у Алиски получалось круче. Поэтому наш «мастер» и запал. Влюбился, страдал: мол, нам не суждено быть вместе, я хочу твоего счастья, зачем я тебе нужен, старая развалина. И как в воду глядел – помер пару месяцев назад.

– Долго длился роман? – Маше было слегка неуютно от Динино молодого цинизма. Но, может быть, это тоже – имидж?

Дина закатила глаза, вспоминая:

– Ну, с год, наверное, длился.

– И как он отнесся к тому, что Алиса вышла замуж?

– Как, как... Плохо, конечно. Когда Алиска с Рудовским роман на площадке крутили, он был еще не в курсе – я прикрывала. А потом... Посерел, ходить начал, знаете, так – шаркая. Жалко, конечно, старика. Через год вроде отошел, повеселел, а два месяца назад вдруг бряк, и...

– Ясно. – Маша закрыла блокнот и встала. Вскинула глаза на Дину, так и не сменившую позы. – Как вы думаете, почему он написал Алисе такое СМС: «Я знаю, что это сделала ты. Бездушная дрянь, будь ты проклята!»?

– А? – Дина быстро подобрала ноги, испуганно хлопнула густо накрашенными ресницами. – Ни фига себе! Ничего не думаю, но, блин, не похоже на нашего Александра Ивановича!

Маша кивнула: она подозревала, что вряд ли Дина в курсе этой загадочной истории, но решила на всякий случай проверить. Теперь следовало найти родственников профессора, побывать у него дома. Где-то должно найтись объяснение тому странному СМС, после которого профессор получил свой сердечный приступ.

А Дина, сглотнув, добавила:

– Выходит, он, ну, и скопытился из-за этой истории, а?

Отрывок из зеленой тетради

...и только в одном случае в мировой истории уродство было более востребовано, чем красота, и на нем стоит остановиться подробнее. Представь себе, что ты родился в веке эдак XVI в бедной семье. У тебя множество братьев и сестер – контрацепции не существует, а христианская доктрина «плодитесь и размножайтесь» довлечет над умами твоих родителей, которым никогда – никогда! – не выбратся из нищеты. У твоих братьев – нормальный рост, который позволит им, став крестьянами или солдатами, умереть либо на полях батальи, либо на вполне мирных полях от непосильного труда. Но в твоём черепе, у основания мозга, не функционирует маленький комочек ткани, размером с горошину. Могуущественную горошину, отвечающую за выработку молока у кормящих матерей и спермы – у мужчины. Горошину, что влияет на нашу способность справляться со стрессом и на развитие груди у девочек-подростков. Благодаря ему строятся наши кости, а на костях нарастает плоть. Он, гипофиз, – король, что правит балом. Но у тебя эта горошина отказывается делать свою работу, и вот в 15 лет ты едва достигаешь 60 сантиметров, и родители, приглядываясь к тебе, понимают: они породили уродца. И хмурые лица их наконец разглаживаются – похоже, они вытянули счастливый билет.

Андрей

Андрей поймал себя на том, что до боли сжимает подлокотники кресла, всем телом подавшись к экрану, на котором крутилась одна за другой передача «Криминальный час». «Ну ни фиги ж себе! – думал он, забывая дышать. – Понятно, почему программа была все рекорды по рейтингам!» Начавшись на второсортном региональном канале, она обросла поклонниками, выкладывающими каждый из выпусков в Ютуб. Видео мгновенно набирало миллионы просмотров. Это было круче любой другой передачи на тему преступности, которую он когда-либо видел, круче криминального сериала. Да что там! Это было круче самого крутого боевика в кино 3D. Это было – настоящее. Все происходило так быстро, так страшно, так реально... Никаких интервью с представителями порядка, никаких долгих планов на вещдоки. Только преследования – на вертолетах, на автомобилях по ночному городу. Андрей не мог поверить – они снимали убийство, они снимали умирающую жертву, попытки врачей «Скорой помощи» ее спасти и снова гон за преступником... Он выключил видео. Нахмурился. Такое не может быть реальностью, просто не может! Капитан был слишком профессионалом, чтобы этого не понимать. Людей убивали практически перед телекамерами, и это, конечно же, просто срежиссированное действие, а значит, на самом деле все жертвы были профессиональными актерами, так? Но не получалось. Он взял список передач. Какое-то имя зацепило его в одном из самых первых выпусков. Овечкин. Псих, который душил и насиловал девушек. Обычно в зоне зеленых насаждений – парках, скверах. Он еще написал письмо в «Коммерсант», уверяя прессу, что система прогнила и убийство для него лишь способ продемонстрировать... И Андрей резко развернулся на кресле к сидящему рядом Виктору Соловьеву, тщедушному мужчине в слишком большом для него темно-синем костюме. Соловьев был заместителем Ираклия, его доверенным лицом. И сейчас он походил на испуганного мальчика, надевшего отцовский пиджак.

– Первые передачи... – сказал Андрей медленно, стараясь контролировать ярость в своем голосе, – были записаны вживую, верно?

Соловьев вздрогнул, мелко закачал головой:

– Это была его инициатива, Овечкина! Он позвонил Ираклию и сказал, что вместе они сделают супершоу. Они договорились: Овечкин звонит ему, отправляясь «на охоту», а наше дело найти его и заснять.

– И вы, – Андрей сглотнул, – смотрели на то, как он убивает этих девушек. А он, зная, что вы – не полиция, особенно и не торопился, да?

– Понимаете, – голос Соловьева задрожал, на лбу появилась испарина, – это было его условием, чтобы полиция... А девушки уже были мертвыми, мы только преследовали его по лесу, и все...

– Не очень стараясь поймать, так? – кивнул Андрей, кривя губы в улыбке. – Ведь чем дольше он убивает, тем больше у вас рейтинговых программ?

Соловьев замахал руками:

– Нет, нет, только две! В первый раз мы не были уверены, что он не блефует, поэтому не предупредили полицию, а во второй раз полиция уже была на месте, и его обезвредили. Ваши коллеги нас не осуждали, даже вынесли благодарность!

– Даже благодарность, – эхом повторил Андрей. Ярость оставила его, как волна, схлынувшая с берега. В душе стало пусто и гулко: он был уверен – Ираклий и в первый раз знал, на что идет. И пошел бы и в третий, если бы верил в свою безнаказанность.

Он поднялся со стула, отодвинув со своего пути, как мебель, взмокнувшего Соловьева. А Соловьев смотрел ему вслед глазами побитой собаки.

«Надо рассказать, надо все рассказать», – думал с тоской Соловьев. Но страшно подумать, что сделает с ним этот опер с ледяным взглядом, если узнает правду.

Маша

Не сразу, но Маша вышла на брата покойного Кононова – тоже профессора, только в каком-то техническом вузе. Тот долго не мог понять ее просьбу, и Маша, стесняясь, путаясь, объясняла, что убита ученица Александра Ивановича и, похоже, тот что-то про нее знал. Что-то, могущее привести к убийце.

– Но почему именно он? – Обладатель мягкого баса на другом конце трубки не скрывал удивления.

– Потому что... – Маша вздохнула, – у Александра Ивановича были с ней отношения.

– С кем?! – переспросил брат Кононова.

– Со студенткой Канунниковой, – тихо подтвердила Маша.

Профессор помолчал.

– Мне кажется, вы что-то путаете. Мой брат был порядочным и уже пожилым человеком, вряд ли он... Но я, конечно, могу с вами встретиться, передать ключи.

* * *

– Жена с дочерью уехали на юг еще в мае – у дочки недолеченный туберкулез, – пояснил он чуть скованно, передавая Маше на следующее утро у метро брелок с ключами. – Все времени не хватает заняться Сашиной квартирой. Мы забрали только ценные вещи: часы, несколько безделушек, портрет матери. Все остальное – в том же виде, в котором было при его жизни.

Маша кивнула. Это была несомненная удача. Она записала адрес и выслушала путанные объяснения, как найти нужный дом.

На самом деле все оказалось не так страшно. Дом стоял посреди двора – четырехэтажный, сталинской постройки. Двор – тихий, зеленый, в тополях по периметру и с детской площадкой – был практически недоступен с улицы: в нем нельзя было даже припарковаться, ворота единственной арки пропускали обитателей, но не их машины.

Профессор жил на втором этаже, и, толкнув единственную на площадке старую, еще обитую дерматином входную дверь, Маша почувствовала запах свежей мастики и отдушки для стирального порошка. В квартире стояла гулкая тишина, но она не казалась необитаемой. Напротив, Маше чудилось, будто квартира дышит, живет своей жизнью. Об этом свидетельствовало множество мелких деталей – обильно политая земля в цветочном горшке, приютившем длиннолистное растение, вроде гусмании. Отсутствие пыли на полках и этот запах, как будто здесь только что стирали. Маша дотронулась до кремовых занавесок на окнах и вздрогнула – они были чуть влажные. Что за чертовщина? Вряд ли брат покойного занимался тут стиркой... Маша оглядела комнату, служившую кабинетом, – небольшую, но уютную. Высокие потолки, светлые обои, трехстворчатое окно. Письменный стол – солидный, тяжелый. Что-то в нем смутило Машу. Ах да! – отсутствие компьютера. Она аккуратно отсмотрела все бумаги из двух нижних ящиков – план занятий, задания студентам, распечатанные майлы от ректора; значит, компьютер все ж таки имелся. Очевидно, его забрали вместе с прочими «ценными вещами». Маша уже выдвинула последний, верхний ящик, когда услышала тихий щелчок открываемой двери. Она замерла. Из прихожей донеслись шорохи: шелест снимаемого легкого плаща, легкий стук – Маша нахмурилась: неизвестный вынул тапки? Раздались шаги, объемная тень появилась за дверью со вставкой из дымчатого стекла, отделяющей комнату от коридора. В дверь тихо постучали. Похоже, ее обнаружили.

– Войдите, – чуть дрогнув голосом, сказала Маша.

Дверь распахнулась – на пороге стояла крупная женщина лет пятидесяти в красном платье с почти непристойным декольте. Губы у женщины были накрашены яркой помадой в тон наряду, волосы забраны в гладкий пучок на голове. На ногах – действительно тапки, но тоже кокетливые, с вышивкой.

– Ой, – сказала неизвестная, прижав ладошку к округлившемуся рту, – вы кто?

– Я – из угрозыска. А вы?

Женщина потупила глаза, огромная грудь смущенно качнулась.

– Так это. Домработница я. Александра Ивановича.

– Вас нанял брат покойного? – поняла наконец Маша. – Ухаживать за квартирой?

Женщина помотала головой и чуть покраснела:

– Не нанимал меня никто. Сама прихожу. – И на удивленный взгляд Маши добавила: – Время есть, ключи у меня родственники не забрали... А так, приду, Александра Ивановича повспоминаю. Ведь сколько лет вместе! Я у него пятнадцать годков убирала.

Верная домработница. Маша кивнула, улыбнулась:

– Если вы не против, я останусь тут еще на полчаса-час.

– Конечно-конечно! – замахала сдобными руками женщина. – Оставайтесь сколько хотите! – И вдруг осеклась: – Вы из прокуратуры? А что случилось-то?

– Убийство, – любезно пояснила Маша, – студентки Александра Ивановича.

Ей показалось, что домработница враз заледенела: застыло даже вечноволнующееся декольте.

Она облизала рот бантиком – как кошка, добравшаяся до сливок:

– Эту поганку малолетнюю, что ли?

Маша осторожно кивнула. А домработница презрительно скривилась:

– Сколько крови, мерзавка, у Александра Ивановича выпила! А он-то на нее глядел, как на восьмое чудо света, тьфу! Чуть ума не лишился, когда узнал, что та шашни со своим продюсером закрутила! Я обоих с женой продюсерской корвалолом на кухне отпаивала!

– С женой? – нахмурилась Маша. – Какой женой?

– Да уж такой! Настоящей! Первой, видать!

Маша устало вздохнула:

– Ольга Рудовская погибла.

Домработница оскорбленно подбоченилась:

– Погибла-то погибла, а до этого пришла к Александру Ивановичу, кричала, обвиняла в распространении грязных сплетен! А он-то вытаращился на нее: мол, какие сплетни, вы о чем?

Маша ошарашенно смотрела на домработницу, а та попеременно показывала в лицах то возмущенную супругу Рудовского, то ничего не подозревающего профессора.

– А она ему: «Я знаю, тот мейл пришел с вашего компьютера!» А он как раз компьютер перевез в институт – тамошний его сломался. Говорит: «Глупости, никакого мейла я вам не отсылал – ни отсюда, ни с работы!» Тогда жена говорит: «Я вижу, вы мне не врете». Простите, мол, ревнивую дуру. И ушла. А мой Александр Иванович сидел на стуле, глядел в одну точку, закусив губу, а потом за сердце схватился. Я ему снова корвалольчику накапала. Он выпил, встал и пошел прилечь. А мне сказал:

– Это, Лида, должно было когда-нибудь случиться. Съёмки, они весь день вместе...

– Когда это было?

Лида пожала полными плечами:

– Осенью. В октябре где-то. А что?

Маша смотрела на дородную Лиду во все глаза: первая жена Рудовского получила мейл с грязными сплетнями, касающимися ее мужа и молодой актрисы. Но профессор не считал роман своей молодой любовницы предательством. Получается, она права: дело было явно в другом.

- Где сейчас этот компьютер? – выпалила она.
- Так это... – пожала плечами Лида, – там же, где и был. В институте ихнем, театральном.

Андрей

Работа, которой занимался Андрей последние несколько дней, выносилась как бы за скобки расследования, хотя отнимала чертову прорву сил. Это была муторная сверка всех контактов Джорадзе на предмет подозрительных лиц и поиск его связей с криминалом. Сверка ничего дельного не дала. Второй отправной точкой могла бы стать какая-никакая история любовного толка, ибо Джорадзе был романтическим брюнетом со всеми необходимыми для образа составляющими: синими глазами, подбородком с мужественной ямочкой, белоснежной улыбкой. Однако и тут Андрея ждало разочарование: девушка Ираклия, некая Илона, приятная, несколько забитая барышня, рассталась с Джорадзе пару месяцев назад – по его инициативе. Девушка находилась в естественной печали, но надеялась на продолжение и вряд ли бы решила нанять высокого рыжего мужчину для убийства. Кроме того, Андрей был уверен – рыжий бородач «сам с усам»: вряд ли рыжий и вряд ли наемник. Скорее, действовал самостоятельно. Других любовных историй у Джорадзе не было – по словам Соловьева, покойный был трудоголиком. Да и полистав его многочисленные фотографии в Интернете, Андрей убедился в правоте зама – слишком этот павлин был занят собственной особой.

От полного отсутствия зацепок Андрей затосковал, и единственное, что утешало его в течение дня, это факт ежедневной теперь жизни Маши у него на дачке. Они с Раневской заполучили ее в свое безраздельное пользование, поскольку Машина мать укатила с подругой на отдых в Портофино, и Маша – почти официально – переехала из своей квартиры в центре в его пригородную хибару. Хотелось верить, что Андреево присутствие компенсирует любимой девушке нехватку благ цивилизации, а если его одного не хватит, значит, приплюсуем к относительным прелестям загородного бытия наличие на даче наглого, но, надо отдать ему должное, обаятельного пса с трогательно выступающими ребрами (хоть и жрет за троих) и выразительной лохматой мордой. Маша любила животных. И его, Андрея, как он надеялся, – тоже.

Он припарковался на поселковой улице и взглянул на дачку. В летних сумерках окно веранды сияло золотистым уютным светом. Маша двигалась медленно, как рыба в аквариуме: открывала дверцу холодильника, выкладывала еду на стол. Изредка в проемах между буфетом и столом показывалась серая спина – подхалим Раневская ходил за Машей хвостом, надеясь перехватить что-то до ужина. Андрей глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух и улыбнулся: как хорошо будет все, что ожидает его сегодня вечером в Машиной компании. От разговоров за ужином до совместного сна в обнимку. Он прошел по дорожке к дачке и был встречен радостным лаем: дверь распахнулась. Маша встала на пороге с расстроенным лицом: она чуть не плакала. У Андрея все опустилось внутри. Он схватил ее руки в свои:

– Что случилось?

– А... – Она махнула рукой. – Никуда я не гожусь!

Только тут Андрей почувствовал явственный запах горелого. И, выглянув из-за Машиного плеча, увидел древнюю свою чугунную сковородку, на которой лежало нечто. Нечто обугленное.

Маша жалко улыбнулась, кивнув в сторону загадочного содержимого:

– Позволь тебе представить – куриные ножки в медово-лимонном соусе.

Андрей смущенно кашлянул и переглянулся с Раневской. Взгляд пса однозначно выражал: «Ты хозяин, тебе и выкручиваться». Лобастой башкой он прислонился к Машиному бедру. Андрей набрал в легкие воздух:

– Отличные ножки. Медово-лимонный соус я сразу не признал, но уверен, на вкус...

Маша криво усмехнулась:

– На вкус они ближе к углю, чем к курятине. Прости.

Андрей не выдержал – обнял ее и зашептал в ухо:

– Мы их все равно с Раневской попробуем, и я почти уверен – съедим за милую душу.

– Чтобы сделать мне приятное? Или потому, что вам с Раневской решительно наплевать, чем набивать желудок? – подняла Маша ироничную бровь.

– И вовсе нет. – Андрей, успокоившись (гроза явно прошла стороной), вышел на крыльцо помыть руки и вернулся к столу. На его тарелке в торжественном ожидании высилась костью вверх обгоревшая ножка.

– Дерзко так, тебе не кажется? – сказал он светски Маше, которая, положив себе на тарелку такую же страдалицу, смотрела на него выжидательно.

Андрей не без труда отрезал себе кусок бедрышка, положил в рот. Осторожно начал жевать.

– И очень неплохо... – соврал он. Хрустнул на зубах уголек... Маша вскочила как ошпаренная, кинулась к холодильнику, Раневская бросился за ней.

– Я сейчас сделаю яичницу! – Маша уже плеснула масла на сковородку. – Не ешь больше, пожалуйста!

Андрей вздохнул с видимым облегчением.

– Это все соус, – сказал он Маше примирительно. – Знаешь, температура горения у сахара...

– Молчи! – Маша обернулась от плиты. – Больше ни слова о кулинарии на сегодня.

* * *

Андрей проснулся глубокой ночью и несколько минут бессмысленно пялился в темный квадрат окна. Рядом нежно сопела Маша. С веранды доносились рулады храпящего Раневской. Андрей попытался сглотнуть – во рту было сухо, сердце билось, будто он только что пробежал стометровку. «А ведь я и бежал, – вспомнил он. – Только что, в своем кошмаре». Да, он неся вперед, а над ним летел, оглушительно стрекоча, вертолет. Стояла густая тьма, и лишь прожектор с вертолета освещал ему дорогу, помогая и одновременно делая из Андрея идеальную мишень для убийства. В какой-то момент, выскочив на пустую улицу, он завернул за угол и увидел в серой витрине свое отражение. Только это был не он. На его месте застыла юная девушка с косами и расширенными от ужаса глазами. И вот тогда, дернувшись всем телом от ужаса, он проснулся. Выровнял дыхание, прижался губами к Машиному горячему плечу, торчащему из-под одеяла. Да, девушка. Кажется, Андрей ее уже видел. И память тут же подсказала капитану, где позаимствовала сюжет для кошмара – «Криминальный час с Ираклием Джорадзе». Но лицо, лицо той девочки он видел еще раньше. Но вот где? И когда? Андрей пытался вспомнить – безрезультатно, и, раздраженно рыча, перевернул подушку прохладной стороной к щеке, надеясь заставить память работать. Но снова заснул.

И вспомнил о сне лишь на следующее утро, уже на Петровке. И правильно, что именно здесь. Местонахождение позволяло залезть в базу данных и отыскать ее в «висяках»: девушка от 20 до 28, брюнетка, карие глаза. Таких оказалось немало, но он сразу узнал свою, из кошмара. Лейла Ханутова. И некоторое время сидел в оцепенении, а потом отыскал в записях номер мобильного и позвонил. Поздоровавшись и представившись, он попросил через час быть на Петровке. Человек на другом конце трубки попытался было отговориться: он, мол, занят и сможет только вечером, на что Андрей ответил страшным, сдавленным голосом:

– Если ты, паскуда, через час не окажешься у меня в кабинете, я сам за тобой приеду и арестую тебя, мразь, за убийство!

Отрывок из зеленой тетради

...вытянули счастливый билет. Судьба улыбнулась им и их сыну (реже – дочери). О, совсем иное дело, если бы мальчишка вырос верзилой-великаном или родился с лишним пальцем. ТАКИЕ уродцы годны лишь для сельской ярмарки, пейзажных утех. Но нет, их мальчишку уготована совсем иная жизнь, его безобразие будет востребовано во дворцах, монархи станут перекупать мальчонку и возить за собою, как нынче светские львицы таскают в сумочках маленьких умильных собачек. Уродство класса люкс – вот что им досталось! Аллилуйя! Теперь важно пристроить его в богатый дом. А там, если он окажется не полным дурачком, крестьянский сынок станет постепенно учиться вместе с барчуками грамоте, игре на скрипочке и иностранным языкам. Он сменит обноски на алый плащ с золотым шитьем и бархатный камзол с манжетами из тончайших брабантских кружев. У него будет мини-шпажка, мини-столовые приборы из чистого золота и даже мини-несессер с мини-расческами и маленьким зеркальцем. Внутри огромных дворцовых покоев ему построят маленький домик. И вот он уже стоит на картинах Веласкеса рядом с наследным принцем или с большой собакой. Карлик. Мутант. Ошибка природы, генетический сбой, модный аксессуар. Столь модный, что сама Екатерина Медичи пыталась воспроизвести породу маленьких людей, поженив своих придворных карлика и карлицу. То-то был бы выгодный бизнес, как бы гонялись европейские дворы за выведенными диковинками! Но ничего не вышло ни у Медичи, ни, позже, у Анны Иоанновны: пары карликов оставались бесплодными, однако желание получить нужный образец...

Маша

Маша выжидательно смотрела на Сашу. Саню-программиста, как его все называли, не отделяя имя от профессии. Но тот, похоже, ушел в свою программистскую нирвану, замерев, ссутулившись в одной позе перед огромным экраном. Прыщавый компьютерный гуру.

– Уверена, что это тот комп? – спросил Саня-программист лениво, подсоединив кабель. – А то будем искать...

– Уверена, – кивнула Маша. После беседы с домоуправительницей она вернулась в институт, нашла завхоза и выяснила, к кому переехал компьютер из кабинета профессора. – А мы точно... ну, я имею в виду, мейл, скорее всего, был стерт, нет?

– Я же тебе объяснял. – Пальцы Сани-программиста уже бегали по клавишам – ни дать ни взять пианист-виртуоз. – Эта программка, она и мертвого оживит. Если мейл существовал, то мы его восстановим. Только говори, за какой период искать?

Маша на секунду задумалась: «Сентябрь, октябрь, ноябрь?»

Она сверилась со своими записями. Да, не позже ноября. Второго декабря Ольга Рудовская погибла.

Саня хмыкнул:

– Ладно. Надеюсь, он не страдал обильным словоизвержением, твой профессор. Намучаешься с такими.

На экране стали появляться строчки, даты, и скоро весь он покрылся почти сплошной вязью, текст поплыл вниз. Маша с ужасом смотрела на количество материала, который ей предстояло обработать.

– Мейл-то этой бабы ты знаешь? – повернулся к ней Саня.

Маша помотала головой.

– Сейчас, подожди! – Она набрала номер на мобильнике. – Добрый вечер, – сказала она, услышав глухой голос в трубке. – Это младший оперуполномоченный Мария Каравай. Да. Вы, случайно, не помните адреса почты вашей первой жены? Нет, не ослышались: Ольги. Как?

Маша схватила ручку и записала на полях какого-то документа, лежащего у Сани на столе.

– Эй! – попытался возмутиться Саня. А Маша, попрощавшись, уже повесила трубку.

– Прости. Вот. Это мейл Рудовской: Ольчик70@мейл.ру.

Саня хмыкнул:

– Добивают меня такие мейлы: ольчик, юльчик. Написала бы – Ольга Рудовская и сообщила б, если уж так приперло, свою дату рождения.

– Она умерла, – спокойно возразила Маша. – Учить ее жизни бессмысленно.

– Ладно. – Саня запустил пятерню в волосы на затылке, схваченные чуть ниже резинкой в длинный русый хвост. – Сейчас найдем.

Компьютер пискнул, и количество строчек стало уменьшаться в обратном порядке. Скоро их осталось только три. Самая последняя оказалась пустым мейлом с картинкой. Маша покрутила выплунутый принтером листок. Детальная карта какого-то места. В левом верхнем углу – красный крестик. Напоминание? Место встречи? Маша, нахмурившись, положила карту с крестиком себе в папку: она разберется с ней позже. И кивнула Сане – мол, продолжай.

Саня кликнул на первый мейл, датируемый пятым октября. Маша нахмурилась: слова были видны не все, некоторые буквы пропущены. «Вы сле я е ли не ви те что Ваш м В изменя го вниа бе ме а у на вер сяце. Уда...»

– Можешь определить, сколько букв пропущено? – Маша вынула из принтера лист с распечатанным мейлом.

– Легко. – Саня-программист взял карандаш и стал проставлять точки на месте пропусков.

«Вы сле. я е. ли не ви... те что Ваш м... В... изменя....го ... вница бе. ме. а у... на ... вер.....сяще. Уда...»

– Ну, – поморщился Саня, – в принципе все ясно, нет?

Маша кивнула: «Вы слепая, если не видите, что Ваш муж Вам изменяет. Его любовница беременна уже на четвертом месяце. Удачи».

Второе письмо было ответом Рудовской. В нем было всего два слова, и они отлично читались.

«Кто Вы?»

Андрей

Андрей тряс Соловьева так, что думал, вытрясет из администратора всю его хлипкую мутную душонку.

– Я не знал! – смотрел на Андрея расширенными глазами администратор. – Ираклий со мной не делился!

Андрей с отвращением бросил его, как куль с картошкой, на стул.

– Как это произошло? – спросил он, пытаясь отдышаться.

Соловьев нервно облизал тонкие губы:

– Когда взяли маньяка Овечкина и рейтинг взлетел до небес, Ираклий понял – мы опять окажемся на задворках, если не найдем еще одного такого же. Проблема в том, что, кроме него, нам никто не звонил. Мы только что «выстрелили» с нашей передачей, выбрались из безвестности, но успех был не наш, а Овечкина. Это он сделал из программы настоящий голливудский триллер, еще более захватывающий, потому что – документальный. Правда в том, что без него мы снова бы окунулись туда, откуда пришли, – в сетку третьеразрядного канала, далеко от прайм-тайма, где-то между рекламой майонеза и прокладок. Ираклий... – Соловьев вздохнул, виновато посмотрел на Андрея. – Ираклий был очень честолобив, очень. И через неделю вызвал меня, сказал готовиться – он знал, где совершится убийство... Видите ли, я было сначала подумал, что Овечкин ему передал какие-то контакты...

Андрей посмотрел на него как на идиота. Соловьев потупил взор, и Андрей стиснул зубы.

– Ну да, бред сивой кобылы. Мне просто так не хотелось во все это влезать... Кроме того, это означало ссориться с Ираклием... – Соловьев жалобно втянул носом воздух.

– Как он это делал? – Андрей уже почти успокоился, только пальцы, лежащие на столешнице, чуть дрожали.

– Не знаю. – Соловьев вскинул было на него глаза, но, столкнувшись с Андреевым взглядом, мгновенно опустил их долу. – Это была его кухня. Мы потом передавали все материалы в полицию, но ни одно из убийств...

– Не завершилось раскрытием, – улыбнулся одним твердым ртом Андрей. Конечно, нет. Ибо это была заказуха, совершенно не соответствующая тем, кого, собственно, заказывали. Заказывали бедных иммигрантов, людей абсолютно бесправных, выбирая их в разных диаспорах – чтобы не вызвать массового протеста. А убивали четко, профессионально, давая жертве и камере ираклиевского оператора хорошенько разогнаться. Убийцу нельзя было поймать не только потому, что подобного уровня киллеров почти никогда не ловят. А еще и оттого, что невозможно было выйти на заказчика. В преступлении не было логики, как не было логики в действиях маньяка Овечкина. Но у Овечкина хотя бы был почерк, модус операнди: девушки славянского типа, от двадцати до тридцати, рядом с водоемом. А у заказов Ираклия не имелось и этого. Все, чего он добивался, это яркости картинки и разнообразия зрелища. Поэтому после Лейлы, чьи расширенные от ужаса огромные глаза так здорово смотрелись в кадре, шел старик Дитназаров: еще бодрый, но уже с белоснежной бородой. За Дитназаровым следовал Арслан Ходжаев, спортивный юноша. Он почти убежал, но пуля, как всегда, оказалась быстрее. Андрей просматривал страницы с фотографиями – вот Людмила Бурсук, яркая блондинка, явно взятая для контраста...

– Когда вы поняли? – устало потер он переносицу, не глядя на собеседника.

– Две недели назад. – Голос Соловьева был почти не слышен. – Я спросил у Ираклия, зачем он вынимает такие суммы из нашего бюджета. Куда они идут?

– И что он ответил?

– Он сказал, что мне не нужно знать. Но что деньги идут на развитие шоу.

– Не поспоришь.

– Официальная версия была, что у Ираклия имелись свои источники, они ему звонили и...

– То есть официальная версия была полной чушью, но вы решили не уточнять? – Голос Андрея опять взметнулся, и его собеседник вжался в стул.

– Я боялся, понимаете? Я мог уйти из шоу. Это бы означало крах моей карьеры и спущенные в унитаз годы – время, что мы вместе потратили, делая из «Криминального часа» зрелище, которое смотрела вся страна. Но я мог бы уйти, правда. – Соловьев сглотнул и поднял виноватые глаза от столешницы. – Только когда я догадался, в чем дело, я осознал и еще кое-что: у Ираклия не заржавеет. Он одним ударом избавится от свидетеля и сделает свежий выпуск. «Загадочное убийство продюсера передачи “Криминальный час”» – чем плохо звучит?

Маша

Маша подъехала к уже знакомому красивому дому – белый кирпич и стекло – и несколько секунд сидела в машине. То, что она собиралась сообщить Рудовскому, – жестокий, и, возможно, абсолютно бессмысленный акт. Маша доставит ему боль, а этот человек и так многое пережил. Но не рассказать она не могла. Из той давнишней истории сквозило холодом, человеческой подлостью. И просто захлопнуть приоткрытую дверь было бы жестом милосердным, но не профессиональным. Шлейф, тянущийся из прошлого, возможно, что-то прояснит в недавнем убийстве. Маша вздохнула, виновато посмотрела на себя в зеркальце дальнего вида и вышла из машины.

Рудовский ждал ее в той же гостиной: на журнальном столике стоял серебряный поднос с кофейником и две чашки. Маша поблагодарила его и за согласие принять ее, и за кофе; с жалостью взглянула на продюсера – седая щетина, черный свитер, делающий лицо еще более бледным. Круги под глазами. Рудовский спокойно разлил горячий кофе по чашкам, передал одну Маше. Слегка улыбнулся и в ответ на извинения заметил:

– Что вы, я очень хотел вас увидеть, узнать, как продвигается следствие...

Маша смущенно опустила чашку на колени, понимая: он не только интересуется результатами расследования, нет. Он просто-таки жаждет еще раз оживить в беседе воспоминания о погибшей жене, подумалось ей. Знал бы он, о чем она приехала побеседовать.

– Простите, я не сообразил! – восторгнулся Рудовский. – Вы, наверное, пьете с сахаром?

Он уже было вскочил, но Маша отрицательно покачала головой – не надо, все хорошо. Она собралась с силами.

– Сергей Николаевич, я хотела бы поговорить с вами об отношениях, связывавших вашу первую и вторую жену, – начала Маша, а Рудовский поднял на нее удивленный взгляд.

– У них не было отношений, – спокойно сказал он. – Ольга погибла прежде, чем мы с Алисой... стали близки.

Маша нахмурилась. Странно.

– Скажите, – начала она с другого боку, – Алиса когда-нибудь была от вас беременна?

Рудовский нахмурился. «Мои расспросы, – подумала виновато Маша, – должны ему казаться верхом неприличия. Удивительно, как он еще сдерживается». Она могла бы сразу выдать ему всю информацию, но не была уверена, что после нее он сможет отвечать. А Рудовский, после паузы, тихо сказал:

– Нет. Мы собирались сделать детей. Алиса знала, что у нас с Олей не получилось...

– Простите, я, может, задам вам слишком интимный вопрос, но обещаю, он имеет отношение к делу: детей у вас не могло быть из-за Ольги или... – Маша чуть покраснела. И закончила совсем тихо: – Или из-за вас?

Рудовский поставил нетронутую чашку на стол, внимательно посмотрел на Машу:

– Надеюсь, вы действительно знаете, о чем спрашиваете. Много лет назад, еще на первом курсе института, Ольга сделала аборт на четвертом месяце. Она сама приняла такое решение: отец ребенка был готов взять на себя ответственность... Но Оля не хотела портить себе карьеру, хоть и знала, что прекращение беременности на таком сроке крайне опасно. Ей пришлось идти к какой-то акушерке, которая практиковала аборты в полуподвале пригородной больницы в ночное время... В общем, очень неприятная история.

Маша кивнула: четвертый месяц. Ну конечно! И задала последний вопрос:

– А Алиса была в курсе этой «неприятной истории»?

Рудовский пожал плечами:

– Мы справляли день рождения оператора – прямо в павильоне, рядом с декорациями... Вся съемочная группа напилась, я в том числе. Ольга была нервная, сама не своя, сидела на гор-

монах – все в попытке забеременеть. У нее повсюду кололо и болело плюс чувство вины... Одним словом, я старался появляться дома как можно реже. Алиса мне нравилась, но только на том сабантуе мы впервые поговорили по душам. Она вспоминала своих родителей-алкоголиков. Детство в нищете. Я уж не знаю, видно, сильно принял, рассказал, как мы с Ольгой пытаемся сделать детей, но не выходит. Потом мы целовались под снегом... – Глаза у Рудовского стали мечтательными, а Маша сама себе кивнула: вот оно. Все сходится.

– У Ольги остались родители? Близкие ей люди? – спросила она жестко, вырвав Рудовского из сладких воспоминаний.

– Может быть, вы мне объясните, откуда такие вопросы? – Почувствовав смену ее тона, Рудовский смотрел на нее внимательно и цепко. Он ждал. Маша вздохнула. Придется рассказывать.

– Ваша жена, – начала она тихо, но голос по мере рассказа крепчал – история казалась ей такой банальной и одновременно такой отвратительной, что она вдруг перестала жалеть продюсера, ослепленного своей сумасшедшей любовью, – ваша первая жена, была знакома со второй. Дело в том, что Алиса написала Ольге письмо. В этом письме она сообщала, что беременна от вас и что срок у беременности – ровно четыре месяца. Кроме конкретного отсыла к старой и трагичной для Ольги истории, четыре месяца – это действительно срок, на котором аборт уже запрещен. А это значило, что у вас скоро бы появился долгожданный ребенок. Но с другой женщиной.

Маша не решалась взглянуть на Рудовского. Она вынула из папки распечатку карты с точкой, помеченной крестиком: третье, последнее письмо от Алисы – Ольге. Положила ее на стол перед продюсером.

– Это место. Съезд с поселковой дороги на шоссе. Там, где погибла ваша первая супруга. Я нашла в архивах ГИБДД отчет по аварии. Крутой поворот, не первый смертельный случай... Но, видите ли... Ольга уже шесть лет жила в этом доме и регулярно ездила на машине в город в зимнее время. Она не могла не знать, насколько опасно разгоняться на этом отрезке и как часто подтаявший снег, заледенев вечером...

– Я понял, что вы хотите сказать. – Рудовский смотрел прямо на Машу, но явно ее уже не видел. – Вы не могли бы уйти?

Отрывок из зеленой тетради

Итак, первыми выводить людей взялась Екатерина Медичи. Хотя что это я? За много лет до моды на карликов и по век двадцатый человечество не оставляло надежд выпестовать подходящий ему экземпляр. Просто параметры были отличны. В Спарте – одни. У Платона – другие. У древних северных народов – третьи.

Занятно, что одно из самых страшных мероприятий XX века выросло из весьма благородного корня – стремления к идеалу. Впрочем, подобные парадоксы – вполне банальная вещь. Видите ли, у Чарлза Дарвина, знаменитого автора «Происхождения видов», имелся кузен, Фрэнсис Гальтон, прекраснейшей души человек. Из тех викторианских джентльменов – «ученых-любителей» XIX века, чей реальный вклад в науку огромен. Изучив теорию эволюции, он пошел дальше Чарлза, решив, что и человеческий вид надобно улучшить, впервые употребив термин «евгеника», от греческого «хорошего рода». Гальтон призывал селекционировать человека подобно домашнему скоту, улучшая его наследственные признаки. Речь шла поначалу о необходимости юношей и девушек из хороших семей жениться исключительно меж собой. Мысль, прямо скажем, не новая и до сих пор весьма практикуемая среди внимательных к своим чадам матерей. Евгеника, по мнению Гальтона, должна была подтвердить право англосаксонской расы на мировое господство, и тут-то звенит у всех в голове первый тревожный звоночек, но вспомним, что во времена Гальтона над Британской империей и так уже не заходило солнце.

Андрей

Родители Ираклия оказались оперными певцами. Причем, заметим, солистами. Оба еще лет десять назад пели на сцене Большого. Он – Фальстафа, Набукко и Альбериха. Она – Царицу Ночи, Джильду, Людмилу. Он – народный артист. Она – заслуженная. Жили Джорадзе в центре, в большой светлой квартире в сталинском доме. Андрея встретил отец, Гия Давидович, крупный седой старик с одышкой. Он открыл дверь, приложив палец ко рту:

– Давайте потихоньку, Элисо только что заснула на снотворных – всю ночь опять проплакала.

Джорадзе-старший тяжело прошел на кухню. Андрей мельком увидел в полутьме прихожей зеркала, занавешенные черным. Кухня – светлая, с явно сделанной на заказ деревянной мебелью. Роспись на буфете по центру – большая птица, то ли павлин, то ли петух – перекликалась с большими керамическими тарелками на стенах: желто-оранжевыми, как желток, синими в ультрамарин, травянисто-зелеными. Видно, что тут жили люди, которым было наплевать на дизайн и модную эстетику. Здесь царил уют, пахло приправами – чабрецом, майораном. И – свежей выпечкой.

– Чай? – поднял на него карие глаза под тяжелыми веками Гия Давидович. – Я испек печенье.

И на удивленный взгляд Андрея пожал плечами:

– Я люблю печь. Это успокаивает нервы. А Элисо сейчас почти не встает, не то что готовить. Ираклий – наш единственный сын, понимаете?

Андрей кивнул. Он не понимал только одного – как у такого отца мог получиться такой сын? Почему-то Андрей был уверен – если рассказать Джорадзе-старшему, как ради рейтингов его отпрыск заказывал убийства невинных людей, этот крупный сильный человек сразу умрет, упав затылком прямо на идеально чистый пол медового цвета.

– Не откажусь от печенья, – Андрей улыбнулся, – с чаем.

Отец Ираклия спокойно стал заваривать чай в толстостенном коричневом чайнике, нарезать лимон. Вынул печенье ромбиками, усыпанное орехами, и Андрей сглотнул голодную слюну: пообедать он, как всегда, не успел. Звук не ускользнул от хозяина дома. Гия Давидович задумчиво посмотрел на гостя и залез в холодильник – на Андрея пахнуло соленьями. Бывший солист вынул две мисочки, открыл крышки: в одной лежали баклажаны, в другой – куски курицы в соусе, чем-то похожем на сметану.

– Сациви, – пояснил он. – Кушайте, кушайте. Мне сестра принесла. А нам кусок в горло не лезет.

И он поставил перед капитаном тарелку с вилок. Андрей благодарно кивнул – это был просто какой-то неожиданный пир, будто отец хотел загладить недавний приступ ярости и презрения, внушенный его сыном.

Он приступил к еде, задав опустившемуся на стул напротив певцу один вопрос:

– Что вы знаете о жизни Ираклия в последний год?

Гия Давидович повертел рассеянно в руках чашку с чаем:

– Да ничего, наверное. Мы с Элисо мало что понимали в этих его криминальных новостях. Даже смотреть перестали. Одно расстройство. – Он пожал плечами. – Так далеко от того, чем мы всю жизнь занимались. Он ведь был музыкальным мальчиком. Играл на флейте. Мы думали... Но что уж теперь! Он выбрал свое место в жизни. И мы туда не лезли. Элисо очень хотела внуков, все знакомила его с разными девушками – дочерьми знакомых, подруг. – Он усмехнулся. – Грузинками, конечно.

– С результатом?

– Скорее нет, чем да. Он был яркий мальчик, девочкам всегда нравился, но его, похоже, занимала только работа. Илона... Протеже Элисо, скрипачка, продержалась дольше остальных. Но и с ней он расстался. Жена переживала – было неудобно перед подругой: как ей теперь в глаза смотреть? А я был рад, думал, может, хоть это ее отучит от сватовства бесконечного.

– То есть, – отставил тарелку, чувствуя приятную тяжесть в желудке, Андрей, – он у вас бывал редко?

– Почему редко? Пару раз в неделю забегал, ночевал в своей детской комнате. – Старик усмехнулся. – Ему нравилась материнская стряпня. Это он грузинских девушек не жаловал, а грузинскую кухню – очень даже.

Андрей чуть улыбнулся, отмечая шутку, которая явно датировалась еще теми временами, когда Ираклий был жив.

– Вы не могли бы показать мне его комнату?

Гия Давидович кивнул:

– Конечно.

Детская телеведущего оказалась переоборудована в некое подобие музыкального кабинета. Боком к окну стоял белый рояль, занимая добрую половину комнаты и придавая ей почти сюрреалистический вид: так он был огромен и экзотичен для этого небольшого помещения. Стены украшали чуть выцветшие афиши, где Джорадзе-старший был еще совсем молод, а волосы, подстриженные по моде длинным каре, еще иссиня-черными, без единой седой нити. У стены стояла аккуратно застеленная пледом в клетку узкая постель. Напротив – шкаф с книгами. В основном музыкальными словарями. Андрей вздохнул: стоит ли тут копаться? Ведь обыск в съемной квартире Джорадзе ничего не дал.

– Вы позволите мне здесь все осмотреть? – обернулся он к старику.

– Смотрите, – сухо сказал Джорадзе-старший. – Только постарайтесь закончить, пока Элисо не проснулась.

Андрей кивнул. Гия Давидович вышел, тихо прикрыв дверь, а Андрей новым, цепким взглядом оглядел комнату. Может быть, не только за грузинской кухней приходил сюда ведущий криминальной хроники? Он начал с книг: вынимал по пять, заглядывал в нутро шкафа, не торчит ли что, спрятанное между страницами. Ничего. Тогда Андрей простучал стены под афишами, опустился на колени, заглянул под постель. Пусто. Он вздохнул и, на автомате, перед тем как встать, провел ладонью под матрацем. Рука нащупала что-то гладкое и прохладное, вроде небольшой пластмассовой коробочки. Андрей вынул ее на свет божий. И правда – черная коробочка. Прошло несколько секунд, прежде чем память выдала ему название этого, уже анахроничного, аппарата. Пейджер.

Алиса

Рудовскому было смешно: зачем он пытался все эти дни держать себя в руках? Кому интересно – пьет он или нет? Детей нет, родителей – тоже. Никому не было дела до того, как он переживает свое горе. Это его отвращение к скотскому состоянию, неспособностью владеть собой. «Контрол-фрик – так это, кажется, называется по-англицки. Желание контролировать свою жизнь любой ценой. И что, наконтролировал, контролер?» – спросил он свое отражение в полированном столе. Там же отражалась бутылка коньяка с граненым стаканом. Закуски – даже какого заваливающего лимона – у него не было. У Рудовского не хватило ни сил, ни желания красиво оформлять свое пьянство. Он хотел уйти в запой, туда, где ни разу не был, но слышал от знающих людей – там забвение и пустота. Вот и отлично – туда ему и надо. Зазвонил телефон, и Рудовский досадливо поморщился: ну, кого еще нелегкая? Он налил коньяк в стакан – подходить не будет, обойдутся. На сегодняшний вечер у него другие планы: никаких соборезнований, ложных уверений, что боль утихнет, и дурацких пожеланий держаться. Он с удовольствием сделал первый глоток, прикрыл глаза: отлично. И тут раздался еще один звонок, уже в дверь. Выматерившись, Рудовский поставил наполовину опустошенный стакан на стол и пошел открывать, пообещав себе выпроводить всякого, кто окажется на пороге: сосед ли, приятель, коллега или вот еще – эта правдолюбивца с Петровки.

Но не угадал. На пороге стоял совершенно неизвестный ему долговязый выюноша, лет тридцати максимум, одетый в модный узкий плащ и узкие же ботинки. В руках молодой человек держал бутылку точно такого же коньяка, что стоял сейчас у него на столе.

– Добрый вечер. – Юноша протянул бутылку вперед, как знак мира и дружбы, но Рудовский не сделал жеста навстречу.

– Вы кто? – вместо этого спросил он.

– Я – Саркелов, Алексей, – представился тот. И, не видя узнавания на лице Рудовского, почему-то покраснев, добавил: – Главный режиссер театра, где...

Ах да. Рудовский кивнул, мол, понял. Но не сделал ни малейшей попытки пригласить его в дом.

– Я хотел поговорить об Алисе... – еще больше засмутился Саркелов. – Мне кажется, нам есть о чем...

На лице Рудовского явственно отразилось сомнение – это был второй человек за день, который хотел поговорить с ним об Алисе, но после девицы с Петровки охоты беседовать у него явно поубавилось.

– Пожалуйста, – добавил вдруг этот кузнечик умоляюще. И Рудовский со вздохом посторонился.

Саркелов снял плащ и бросил его на входе, обнаружив под плащом странное сочетание из тренировочных мягких штанов, футболки и пиджака. Рудовский пожал плечами за его спиной: да и бог с ним! Пусть одевается как хочет. В дверях гостиной продюсер обогнал гостя и первый плюхнулся на диван перед бутылкой и неоконченным стаканом – к черту политесы.

– Если хотите выпить, стаканы – там, – махнул он рукой в сторону кухни. Режиссер послушно исчез в указанном направлении и вернулся со вторым стаканом и – смотрите-ка! – с тонко нарезанным лимоном. Рудовский усмехнулся: что ж, лимон так лимон. А Саркелов поставил свою бутылку рядом с коньяком Рудовского: очевидно, чтобы указать тому на схожесть вкусов. Продюсер хмыкнул – наплевать ему было на совпадения. Он плеснул себе и парню хорошую дозу, на пять пальцев. Поднял стакан:

– За Алису?

– За Алису. – Двигая острым кадыком, кузнечик с серьезным лицом выпил в несколько глотков содержимое. Рудовский забросил в рот тоненький едкий ломтик, подвинул блюдце с лимоном незваному гостю.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить?

Саркелов на секунду застыл, глядя ему в глаза, а потом вдруг закрыл лицо руками и зарыдал. От неожиданности Рудовский почувствовал, что трезвеет.

Что за...

– Вы ошиблись адресом, – сказал он, наливая себе следующий стакан. – Я не аналитик и не психиатр. Я тут, как видите, просто банально напиваюсь.

– Простите. – Молодой человек совершенно по-детски размазал, вытирая, слезы по лицу. В неярком свете бра над столом Рудовский заметил, что глаза у него красивые – с длинными, как у девушки, и мокрыми сейчас ресницами. А Саркелов повозил бокал туда-сюда по столу. – Понимаете, мне просто некуда было идти. Я вдруг понял, что никто не любил Алису. Все завидовали, интриговали за ее спиной. Для нее это была, конечно, «пена дней», она и внимания не обращала... Но теперь мне тяжело находиться рядом с этими людьми, разговаривать с ними.

Рудовский нахмурился. Все, о чем говорил этот незнакомый молодой человек, было так схоже с тем, что он чувствовал сам, что из глубины души начала подниматься какая-то смутная тревога. Ему стало не по себе, захотелось выпроводить парня из дома прямо сейчас, дав пинка под тощий зад и кинув ему вслед бутылку. Но он замер, будто заледенел тут, на кожаном диване, на котором она так любила листать от скуки разноцветный глянец.

– И я подумал, что уж теперь-то делить, правда? Есть один человек, который чувствует, как я. Которому так же больно и одиноко. Мы могли бы как-то пережить это вместе, верно?

Он поднял на Рудовского взгляд и увидел в глазах напротив пустоту. Наконец левый край губ Алисиного мужа пополз вверх, а второй так и застыл в скорбной гримасе. Это была страшноватая усмешка, схожая с той, что появляется на лицах у разбитых инсультом. А Рудовский и чувствовал себя жертвой внезапного удара судьбы. А ведь был уверен, после того как закрыл дверь за оперативницей с Петровки, что на сегодня уже получил свою дозу роковых новостей. Но вот поди ж ты, ошибся.

– Как много... – беззвучно сказал он, но потом громко прочистил горло и добавил уже почти нормальным тоном: – Как много нового я узнал сегодня про свою жену. За это надо выпить.

Он налил под опасливым взглядом кузнечика еще один стакан коньяка. И выпил – как воду. Уже ничем не закусывая, а тяжело уставившись на тощего режиссера. Тот поежился, пряча глаза, отхлебнул из стакана.

– Что она в тебе нашла? – склонил Рудовский голову на плечо, еще раз, но уже совсем иначе, оглядывая режиссера. Острые коленки, узкие плечики, кадык. – Тебе хоть есть – чем?

– Хватит! – покраснел Саркелов. – Перестаньте, это не смешно. Если хотите знать, думаю, она любила нас обоих. Как Черубина де Габриак...

– Я ничего не хотел знать, – перебил его Рудовский. – Это ты пришел ко мне со своим дешевым бухлом...

– Таким же, какое вы и сами потребляете... – вставил Саркелов.

– Имею право. Я у себя дома, – отрезал Рудовский. – Все для того, чтобы изложить мне свою дебильную теорию? О двойной любви?

Саркелов пожал плечами:

– Такое бывает. Вон, любила же Черубина Волошина и Гумилева одновременно, и...

На этой фразе Рудовский вдруг вспомнил и осклабился: ну конечно!

– Это у тебя, что ли, Черубин, баба влиятельная сидит в любовницах?

– Какое это имеет значение?!

– Так у тебя или нет? Чуть ли не министерша по культуре.

Саркелов выдвинул вперед подбородок, кивнул:

– И что?

– А то, что не стоило тебе приходить ко мне сегодня пить, мой дорогой. Потому что, как бы тебе этого ни хотелось, мы с тобой – не в одной лодке! – Он помотал пальцем перед носом у режиссера. – Помню я, что рассказывала Алиса про ваш замызганный театр и твои бездарные постановки – грим, обнажающаяся душа! Да мы тут вдвоем валялись от хохота вот на этом самом диване, обсуждая твои «блестящие» задумки...

Он увидел, как побледнел Саркелов.

– Что, уже не хочется пить со мной на брудершафт? – пьяно усмехнулся Рудовский. – Меня она любила, меня! Если вообще была способна любить. Она жену мою первую до самоубийства довела, только чтобы жить со мной вместе, вот как... – И он опрокинул в себя еще коньяка. – Знаем ли мы тех, с кем ложимся спать и просыпаемся по утрам, а? Я-то думал, что читаю свою девочку как открытую книгу. Такая юная, смешная, доверчивая. Дурочка, маленькая дурочка. Зачем было это делать? – Он повел рукой со стаканом. – Что я – и так не развелся б? И все бы ей простил, даже тебя б простил, петушка. Знаешь, почему она с тобой закрутила? Не только ведь из-за будущей карьеры, спасибо большое твоей пожилой любвице. Нет, она все переживала, что у меня было много женщин, а у нее, мелкой, опыт небольшой. Говорю же, дурочка.

– Как удобно, – тихо сказал Саркелов, вставая. – Если девочка без связей хотела попасть в этот дом и быть женой влиятельного продюсера, то это исключительно по большой любви. Даже если она и изменяла, и убивала, то, получается, только чтобы быть ближе к предмету своих чувств.

– Это не удобство, – нетрезво качнул головой Рудовский. – Это правда. Что, глаза режет? Так выпей, чего встал?

На губах у режиссера вспухла, как прыщ, злая улыбка:

– А знаете, что еще делала ваша обожаемая Алиса из большой любви к вам?

Рудовский молчал, и тогда Саркелов продолжил:

– Она записывала все, что вы воруете на своих картинах. Вы же воруете, верно? Вы списываете большие суммы на декор, на съемочное оборудование совсем другого качества, на места проведения съемок, якобы за бешеные деньги, которые арендуете ночами, за треть цены. Вы пишете гонорары актерам в ведомости, а выплачиваете им ровно половину. Алиса все это замечала и все записывала. Что, и тут, думаете, от большой любви? Нет! Она говорила, что, если когда-нибудь у вас с ней будут проблемы, не важно, какие: развод в суде или чисто профессиональные разборки, у нее будет это досье, которое сможет вас окончательно уничтожить как профессионала.

– Это ложь! – Рудовский, замахнувшись, бросил в кузнечика пустым стаканом. Пролетев мимо цели, тяжелый стакан со звоном врезался в окно. Дзинь! – полетели на ковер стекла. Слезы застилали Рудовскому глаза.

– Нет, – сказал неясный за слезами силуэт. – И если бы вы мне не поверили, то вряд ли стали бы бросаться стаканами. А скорее дали б в морду.

– А я и дам... – Рудовский, покачиваясь, встал.

Хлопнула входная дверь. Кузнечик сбежал. Сволочь... Он тяжело опустился обратно. Сволочь. Зачем приходил? Неужели и правда – выпить на брудершафт с мужем? «Какая безвкусица и пошлость», – говорил себе Рудовский, чтобы не думать о словах кузнечика. Значит, вот что скрывалось за записями в блокноте, который он нашел у Алисы в тумбочке за день до ее смерти? Таблички с цифрами. Загадка чисел. Слава богу, он не рассказал о них той оперативнице. Смешно бы он выглядел, просто обхохочешься, после того, что она умудрилась раскопать всего за несколько дней об Ольге. Все его существование обернулось кучкой черепков. Еще сегодня утром, несмотря на муку потери, было то, что привязывало его к жизни, –

его воспоминания, его иллюзии. Но вот, огляделся он по сторонам, не узнавая своего дома, и этого не осталось.

Андрей

– Кто сейчас, в век мобильных и СМС, пользуется пейджером, анахронической игрушкой родом из 90-х? – Андрей задал свой вопрос технику с Петровки.

– Ха. Много кто. – Техник Петя, бледный малый с помятым лицом, пожал плечами. – Если не нужна обратная связь, для вызова аварийных бригад, например, или как средство сообщения с отдыхающими на даче.

– Для этого прекрасно подойдет и мобильный, – проворчал Андрей, крутя в руках аппарат.

– Не скажи. Пейджер дешевле. Автономней – его хватает на месяц работы; уехал и держи при себе, жди новостей. Ну и, главное, безопасность.

– В смысле?

– В пейджере нет передатчика, только приемник, Андрюша. – Петя поковырял заскорузлым пальцем в огромном, как локатор, ухе. – Его нельзя выследить, определив местонахождение.

– Ясно. – Андрей задумался. Зачем бы ни хранил Ираклий под матрасом свой агрегат, это «зачем» явно должно было остаться тайной. – И много сейчас осталось пейджинговых компаний?

Техник пожал тощими плечами:

– Не знаю. Штуки три есть. Но можешь им не звонить – они информацию по звонкам не сохраняют. Дай взгляну на твою игрушку. – Он повертел аппарат в руках. – Сдох. Ладно, найду тебе зарядку и погляжу, что там есть.

Андрей кивнул:

– Ты уж найди что-нибудь, Петрундель. Очень надо.

Отрывок из зеленой тетради

С целью еще более возвысить англосаксонскую расу, Фрэнсис начал изучать близкую и дальнюю родню гениев, чтобы подсчитать, больше ли среди них одаренных людей? И заключил, что ежели спаривать талантов исключительно с талантами, то на выходе мы получаем намного более качественный материал. Получается, что кузены Дарвин и Гальтон нанесли двойной удар по господствующей религиозной мысли. Теория Дарвина отрицала божественное происхождение человека, а исследования Гальтона, в пикку нравоучительным рассказам XVIII–XIX вв., прославляющим воспитание в труде, нравственности и усердии, утверждали: человек наследует способности так же, как рост, вес и цвет волос. Никаким воспитанием и набожностью делу не поможешь.

Так, уничтожив научной мыслью одну веру, они должны были создать собственную религию. И этой религией стала евгеника.

Андрей

Техник позвонил, когда Андрей уже сворачивал на поселковую дорогу к дачке.

– Есть контакт! – Петя был явно взволнован. Пейджер ожил у него в руках, как только он умудрился обнаружить в завалах у коллеги древнюю зарядку от «моторолы».

– Что там? – Андрей припарковался у обочины.

– Новое сообщение. Цифры, Андрюша.

– Что за цифры?

– Похоже на координаты точного местонахождения плюс время: в 23.00. Записываешь?

* * *

Андрей пришел на место встречи заранее – он был уверен: сообщение послал наемный убийца, обеспечивающий Ираклию большие рейтинги. История о смерти Джорадзе попала в печать, но киллер вряд ли знал имя своего заказчика, хоть и предполагал его связь с программой «Криминальный час». Андрей огляделся – место, затерянное между бесконечными рядами гаражей, выстроенных еще в начале 90-х на пустыре перед многоэтажкой, в этот час было не просто пустынным – страшноватым. Вокруг стоял, оглушая тишиной, лес из железа, асфальт под ногами был разбит, как серая бессмысленная мозаика. Андрей прислонился к холодной стене гаража, а потом сполз вниз, на корточки. Он устал. Хотелось курить, но он помнил: Джорадзе был приверженцем здорового образа жизни – запах табака мог отпугнуть убийцу. Откинув голову, капитан смотрел на светлое летнее небо с блеклыми звездами. Возможно, думал он, речь в сообщении шла вовсе не о сегодняшнем дне. Но попробовать все равно стоило. Он в очередной раз машинальным жестом нащупал пачку сигарет в кармане нейлоновой куртки и – замер. Где-то совсем рядом раздались тихие шаги. Яковлев осторожно вынул руку из кармана, медленно встал. Кто-то ровным, пружинистым шагом шел по параллельному ряду вдоль гаражей. И вдруг остановился. Андрею показалось – как раз напротив того места, где стоял он сам. Все дальнейшее произошло очень быстро – что-то прошелестело сверху, Андрей почувствовал сильнейший удар в затылок и упал на чуть влажный после вечернего дождя асфальт.

Очнулся он от звонка в кармане. Тряхнув головой, как Раневская после купания, Андрей встал сначала на четвереньки, а потом сел, прислонившись спиной к гаражу. Голова раскалывалась.

– Где ты? – Машин голос в трубке был почти неузнаваем.

Андрей чуть отстранил трубку от уха – в нем звенело.

– Я же сказал, что задержусь на работе, – сказал он глухо и прокашлялся, одновременно пытаясь подвигать всеми частями тела – вроде ничего не сломано.

– Я звоню тебе уже в пятый раз! У меня какие-то плохие предчувствия, кошмары ночью. – Она вздохнула. – Прости. Веду себя как истеричка.

Андрей не без труда встал на ноги и, сдерживая стон, поднял голову. Ну, конечно. Парень просто залез на крышу и, оглядев его светлый затылок и много более скромный по сравнению с Джорадзе рост, понял: его встречает вовсе не заказчик. Он чуть было опять не застонал, теперь уже – от собственной глупости: что ему стоило взять с собой того же Камышова?

– А мы с Раневской доели все вчерашнее мясо с картошкой! Это у нас от нервов, – виновато добавила Маша, явно стыдясь своего испуга и «проверочных» звонков.

– Это у тебя от нервов, а у Раневской... – Андрей уже окончательно пришел в себя и с любопытством изучал совсем небольшой след от ребристого ботинка прямо на стене

гаража – на уровне его лица. Размер не больше сорокового. – А у Раневской – от раздутого желудка.

Пожалуй, он правильно сделал, что не взял Камышова: тут орудовал профи, и высокого класса. Эдакий ниндзя – ходящий по стене, летающий с высоты. С одним уставшим ментом он справился без проблем, а с двумя мог применить оружие, и никому бы мало не показалось. Андрей тихо выругался.

– Что? – переспросила Маша.

– Приготовь мне яичницу с сосисками... – попросил жалобно Андрей.

– И с картошкой, и с помидорами, – пообещала ему Маша, и у Андрея потеплело на душе.

«В конце концов, – сказал себе он, садясь в машину, – одно можно сказать точно: наемнику было бы много сподручнее убить тележурналиста здесь же, на традиционном месте встречи – за гаражами. А отсюда – следующий вопрос: полет с небоскреба Москва-Сити был мстью за убитых во имя «Криминального часа» или Джорадзе умудрился натворить что-то еще?»

Бронислава

Бронислава не раз ловила себя на том, что вместо того, чтобы читать книжку, пялится в окно, на проплывающие мимо ряды елей и берез. Путь на работу занимал у нее без малого полтора часа, но Броню это не смущало. Ехала она навстречу всему многомиллионному потоку пассажиров: они – в центр из пригородов и окраин, а она из самого что ни на есть центра – в пригород. В метро было битком набито, но постепенно, ближе к конечной, народ рассасывался. А в пригородной электричке – вообще красота: пусто. Бронислава кидала сумку на сиденье напротив, с удовольствием вытягивала ноги и, опустив на колени, прикрытые юбкой в складку, книжку, неизменно, как к магниту, разворачивалась к окну. Эта игра светотени, проблески неба между вертикалями деревьев, дома – то добротные, краснокирпичные, то покосившиеся, в облупившейся краске, «олдскульные» – как называла их Броня. Кусочки чужой жизни – почтальон на старом кривоватом велосипеде, эдакий Печкин; заспанные детки, влекомые в остервенении матерями в детсад; покуривающие близ железнодорожного полотна прогульщики-подростки – все ей было интересно, все вызывало тихую, ровную радость. Ибо она ехала на работу, любимую работу, и впереди ей еще предстоял целый день, «открытый полный». А от платформы и до самого института оставалось пешком максимум минут десять. Можно было, конечно, дожидаться смешно пытящего львовского автобусика, но за исключением зимних морозных дней Броня предпочитала пройти эти десять минут своим ходом. Во-первых, свежий воздух. Во-вторых, физкультура и – какое-никакое – похудение. Ну а в-третьих (и, наверное, самых важных – хотя Броня вряд ли бы себе в этом призналась), она чувствовала что-то сродни религиозному экстазу, когда за рядом покосившихся домов и сараев, за почти прозрачной березовой рощей вдруг появлялась футуристическая, будто крыло инопланетного корабля, крыша института. Это появление было таким неожиданным, что вызывало у приезжих изрядный шок, а местные лишь небрежно поводили плечом: чё такого-то? Это ведь этот, ну как его? Генный институт. Уж года два как построили. Япошка какой-то проектировал. Но пока стоит, ага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.